Амальгама

Автор:
Владимир Торин

Амальгама

Владимир Александрович Торин

Амальгама #1

Как древний венецианский секрет может спустя многие века погубить резидента КГБ в Лондоне? Что связывало Сталина и Наполеона? Как сбежал из тюрьмы знаменитый любовник Казанова? Кто в XV веке написал портрет Путина? Каким образом связаны перечисленные люди и события?

Ответы на эти и множество других вопросов – в романе-открытии талантливого автора Владимира А. Торина «Амальгама».

Действие романа стремительно развивается в разных веках, городах и странах. Произведение основано на реальных исторических, политических, культурных и научных событиях и фактах.

Владимир Александрович Торин

Амальгама

© Торин В.А., 2015

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Глава I. Удивительное происшествие на Сан-Марко

Венеция, декабрь 2014 года

Зимой в Венеции значительно теплее, чем в Москве. Иногда порывы холодного ветра вдруг нападают на город со стороны моря, раскачивают гондолы, пришвартованные у Дворца дожей, по инерции пролетают лабиринты каналов, чтобы окончательно потерять силу, врезавшись в блестящие витрины сотен маленьких сувенирных магазинчиков. Туристы на эти порывы ветра внимания не обращают, глазеют себе по сторонам и снимают на мобильные телефоны достопримечательности. В светящихся экранах мелькают мосты, каналы, роскошные соборы и смуглые гондольеры с юркими оливковыми глазами. Телефонное приложение размещает в строгом шахматном порядке парад маленьких оцифрованных квадратиков. Потом, утомленные, туристы плюхаются в неудобные пластмассовые стулья многочисленных кофеен на площади Сан-Марко и сосредоточенно выставляют эти квадратики-фотографии в Twitter или Facebook. Другие, презрев социальные сети и тоже устроившись на прекрасной площади, тоже достают мобильные телефоны, но только для того, чтобы обзвонить родных и друзей и восторженно рассказать об увиденном. Именно в этот момент туристы становятся легкой добычей шустрых официантов, похожих в своих белых пиджаках с золотыми пуговицами на романтичных морских капитанов. Романтичные морские капитаны заставляют туристов купить чашечку кофе стоимостью двадцать евро. Некоторые охотники за красивыми снимками и любители неспешных телефонных разговоров с родней мужественно соглашаются и тогда уже сидят на прекрасной площади долго-долго, а некоторые, в целях экономии, делают вид, что кофе, собственно, им не очень-то и хочется. Те, вторые, быстро исчезают, ныряя в одну из узеньких улочек древнего города, чтобы через сорок минут опять вынырнуть на Сан-Марко, но

уже с противоположной стороны – город устроен так, что любой турист окажется на этой площади еще не один раз.

Сергей попался на двадцатиевровый кофе и теперь сидел, как и положено, долго-долго, с интересом рассматривая ритуальную погоню венецианских официантов за туристами. Официантская задача была и проста и сложна одновременно: показав полнейшее радушие, тем не менее, не дать человеку возможности присесть, если он не заказал хоть что-нибудь в их кофейне. Официанты были вежливы, но настойчивы, туристы – благожелательны, но скупы.

В Москве третий день шел снег, уровень пробок оценивался в 10 баллов, а на первой странице Яндекса стояла красноречивая надпись: «Город стоит». Друг Сергея Иван уже третий час пытался пробраться на своем «Логане» по безнадежным московским пробкам из центра в Марьино и сейчас слал Сергею в связи с этим грустные смайлики. Сергей в ответ, не без злорадства, отправил другу фотографию, снятую только что: кусок своего лица с довольной ухмылкой, купола собора Сан-Марко и яркое, не по-московски синее небо.

Вообще, история с этой поездкой сложилась на удивление удачно. Сергей Анциферов, а именно так зовут нашего героя, к своим тридцати трем годам, конечно, кое-где уже бывал за границей, но тут просто, ну очень, повезло. Шеф долго готовился к какому-то выступлению на венецианской конференции, а Сергей рисовал ему презентацию и даже распечатал небольшой буклет, графики которого красноречиво свидетельствовали о бешеном развитии родной конторы. Но потом что-то там изменилось и шеф попросил свою секретаршу Алену, девушку настолько красивую, насколько и фантастически глупую, все отменить, а билеты сдать. Алена долго созванивалась с многочисленными посредниками, которые организовывали шефу эту самую венецианскую конференцию, что-то ворковала несколько дней в трубку, выторговывая какие-то скидки, которые должны были покрыть какие-то неустойки этих самых посредников, пока наконец мимо не случился Сергей и не предложил Алене решить вопрос кардинально:

– Алена, чего ты паришься третий день? Скажи ему, что отменить ничего нельзя. Международный скандал может быть. Мол, заплатили уже и за билеты, и за гостиницу и вернуть ничего невозможно.

Алена удивленно помахала на Анциферова своими ресницами но, в итоге, так и сделала. А дальше получилось совсем неожиданно. Шеф, не долго думая, распорядился:

– Ну, раз уже все оплачено и все равно уже ничего изменить нельзя, пусть тогда, вон, Серега туда съездит. Буклеты раздаст с моими визитками, да флэшки с этой презентацией долбанной.

И вот сидит Серега на прекрасной площади Сан-Марко, пьет кофе за двадцать евро, в ста метрах отсюда его ждет, пусть и не роскошный, но вполне себе замечательный номер в гостинице «Сан Галло», а в его телефоне – уже полный набор красочных квадратиков, свидетельствующих о том, что командировка больше похожа на отпуск и время проходит как нельзя лучше. А в Москве идет снег, люди сходят с ума перед Новым годом и сметают с полок многочисленных ашанов все, что только можно оттуда смести, а здесь все улыбаются и ощущение какого-то постоянного праздника перманентно разлито в воздухе.

Внимание Сергея привлек необычного вида человек. Маленький, сгорбленный старик в черном плаще и какой-то неестественно высокой шапке, похожей на черный колпак, очень медленно брел в сторону Дворца Дожей и, наверное, был единственным на площади, кто смотрел не по сторонам, а себе под ноги. Он единственный не улыбался, кустистые лохматые брови были насуплены, а крупный бугристый нос, казалось, прирос к шевелящимся губам.

Сергей очень хорошо запомнил этого человека. Они сегодня уже виделись и произошло это на втором этаже галереи Дворца Дожей, прямо около «Львиной пасти».

«Львиной пастью» (Bocca di Leone) называли в средневековой Венеции этот барельеф: ужасное мужское лицо с повязкой на лбу и полураскрытым ртом.

В рот скульптуры венецианцы складывали доносы, которые тут же, благодаря хитрым механизмам, попадали в таинственную комнату, где заседал зловещий Совет Десяти, решавший судьбы людей, даже целых городов и стран в считанные минуты. Если заглянуть в открытый рот скульптуры, можно было увидеть, что отверстие, проделанное там, гораздо глубже, чем можно было подумать изначально, а при достаточном воображении исследователя, на него оттуда должно было пахнуть горелым запахом факелов и вековым смрадом

темных казематов, во мраке которых бесследно исчезли многие достойные люди. “Denontie secrete contro chi occultera gratie et officil o colludera per nasconder la vera renditta d essi”, – грозно гласила надпись под барельефом: «Тайные обвинения против любого, кто скрывает милости или услуги, или тайно сговорился, чтобы утаить истинный доход от них». И люди поставляли сюда доносы исправно, кто – из зависти, кто – из трусости, кто – потому что свято верил, что именно так и надо делать. Сергей фотографировал это жуткое лицо с открытым ртом и думал, что позорной истории, когда все граждане государства аккуратно строчат друг на друга доносы, суждено повторяться еще не единожды, в том числе и в его родной стране.

Вдруг отворилась большая старинная дубовая дверь, которая находилась всего в полуметре справа от «Львиной пасти». Было странно, что такая старая и массивная дверь, вся в каких-то гербах и резных картинах, открылась очень быстро и совершенно бесшумно. Из нее вышел человек, по всей видимости, работавший здесь же, в музее – уж очень уверенно он держался. Сергей Анциферов тогда удивился, до чего человек этот похож на персонажа «Львиной пасти»: те же лохматые брови, тот же большой нос, разве что персонаж барельефа явно помоложе. Здешний, из Дворца Дожей, был совсем старик. Он и столкнулся с Сергеем, увлеченным фотографированием. Работник Дворца Дожей удивленно приподнял кустистые брови и обжег молодого человека колючим недобрым взглядом. Анциферов добродушно улыбнулся и взгляд старика смягчился. Но как только старик понял, что улыбающийся молодой человек заметил его сходство с барельефом, быстро отвернулся и зашагал вперед по галерее.

И вот теперь этот недавний знакомый в черном колпаке шел по площади и бормотал что-то себе под нос. Сергей нашел на экране телефона недавно сфотографированный во Дворце Дожей барельеф и опять удивился удивительному сходству. Пока наш герой раздумывал, насколько этично будет спросить у пожилого итальянца разрешения его сфотографировать, как тот вдруг остановился и присел за столик совсем рядом.

Сел и продолжил бормотать что-то, все так же смотря под ноги каким-то стеклянным взглядом. К нему, казалось бы, не спеша (а на самом деле, очень даже спеша – Сергей уже изучил этот прием!) направился официант, широко улыбаясь и размахивая руками. Несколько секунд он что-то говорил старику в черном, а потом старик достал нечто из кармана, дал посмотреть это нечто официанту, после чего тот расплылся в еще большей улыбке и мгновенно

удалился.

Знаете, бывает такое в российских ресторанах: сидит какая-нибудь разухабистая пьяная компания, начинает вести себя вызывающе, шуметь, всем мешать, к ним подходят, чтобы эту компанию урезонить. И тут один из гостей с заговорщицким видом достает из кармана нечто, демонстрирует это официанту и тот с какой-то виноватой улыбкой исчезает. «Нечто» – это, как правило, какие-нибудь всесильные «корки» – оперативного работника милиции или, скажем, прокуратуры. ФСБ тоже неплохо в такой ситуации котируется. Но было бы наивно думать, что здесь, в Венеции, какой-то старый человек начнет козырять подобным удостоверением перед официантом для того, чтобы, сидя на Сан-Марко, побормотать что-нибудь себе под нос, пристально разглядывая собственные ботинки! Конечно, такого быть не могло, а если бы такое все-таки произошло, было бы это, конечно, чрезвычайно удивительно. Но то, что произошло на самом деле, было удивительнее в десять тысяч раз! Сергей готов был поклясться, что он отчетливо и очень хорошо видел, что на самом деле показал этот человек в черном официанту. И хотя было это совершенно невообразимо, странно, непонятно, но было именно так.

Старый знакомый Сергея показал обладателю белого пиджака крохотное, размером как раз с милицейскую «корочку», зеркальце. Официант взглянул в это зеркальце и мгновенно отстал от посетителя.

Зеркальце! Что там такого можно было увидеть, кроме собственного отражения? Однако официант, действительно, сразу же оставил странного посетителя в покое. Сергей решил внимательнее понаблюдать за старичком. Тот по-прежнему что-то бормотал себе под нос, наклонившись вперед, скрестив руки на животе и уперев локти в подлокотники кресла. Неожиданно он вдруг резко поднял голову и пристально посмотрел на молодого человека. Глаза его казались безумными и обладали неестественным ярко-голубым цветом. Взгляд был такой внимательный, что наш герой вдруг явственно ощутил, что этот странный персонаж, конечно, узнал его и вспомнил их встречу, которая произошла всего пару часов назад на втором этаже Дворца Дожей. А еще Сергею вдруг показалось, что старик хочет ему что-то сказать. И как бы в подтверждение этой мысли, он взял из подставки бумажную салфетку, вынул откуда-то из недр

своего черного плаща карандаш, что-то нацарапал на салфетке, потом помахал ей в воздухе, явно демонстрируя Сергею и придавил сахарницей на столике. Потом встал и быстро, не оборачиваясь, зашагал в сторону набережной.

Сергей ни секунды не сомневался, что записка предназначена именно ему. Он сразу же подошел к столу, за которым сидел его знакомый, поднял сахарницу и взял салфетку. На ней было торопливо написано несколько слов. И от слов этих сразу повеяло чем-то необычным и таинственным. Если бы Сергей знал, в какую удивительную, страшную и совершенно необыкновенную историю его втягивают, он бы… Хотя, нет. Он бы обязательно сделал, то, что сделал впоследствии. Знаете, есть люди, которые все время попадают в какие-то приключения, склад характера у них такой, что ли? А есть такие, кому приключения просто противопоказаны. Не лезут они в них и все, точка. Итак, мол, проблем других полно.

Но старичок, видимо, знал, что делал, когда писал эти четыре слова на салфетке для Сергея. Он совершенно не сомневался, что этот высокий светловолосый парень, так увлеченно фотографировавший «Львиную пасть» два часа назад, возьмет эту записку в руки и положит ее в карман с совершенно четким пониманием того, что сегодня в полночь спать ему точно не придется. «Today Midnight Calle Galeazza»: «Сегодня в полночь на Калле Гальяца» – вот какие четыре слова написал старик на салфетке.

Глава II. Искусство для КГБ

Лондон, сентябрь 1991 года

Подполковник КГБ СССР Николай Сиротин вышел из здания советского посольства в Лондоне, прошел несколько десятков метров вдоль ограды Гайд-парка, привычно отметив двух «топтунов», взявших его под наблюдение. Как это было ни удивительно, но сегодня, выполняя задание высшей категории секретности, он мог вообще не скрываться от наружного наблюдения агентов МИ-6.

Вообще, все с этим заданием было в высшей степени странно. Например, странным было то, что отозвав его для срочных консультаций в Москву, ему

было приказано явиться на Лубянку, в кабинет 454, в военной форме.

Офицерскую форму Николай Сиротин надевал в последний раз, когда его фотографировали на удостоверение личности. А было это очень давно, еще в военном училище. Поэтому, когда его вдруг срочным порядком отозвали из капиталистического Лондона для консультаций в столицу страны победившего социализма, да еще попросили явиться на доклад в форме, он понимал, происходит что-то необыкновенное.

Собственно, все в нынешнее время, которые с легкой руки молодого советского президента Горбачева весь мир теперь называл PERESTROYKA, в Москве стало совершенно необыкновенным и плохо вяжущимся со здравым смыслом. По улицам бегали толпы ошалевших людей, которые, совершенно никого не боясь, выкрикивали антипартийные лозунги и, что удивительно, людей этих, действительно, при этом никто не задерживал. Да что там говорить, памятник Дзержинскому с «пятака» прямо перед зданием КГБ краном сняли! Сиротин читал новости из России, как главы приключенческого романа, директивы в посольство приходили одна абсурднее другой, а коллеги подполковника из военных консульств государств-членов НАТО перестали напрягаться при словах «представитель посольства СССР», а теперь только улыбались и всерьез Сиротина демонстративно не воспринимали.

Весь этот дурдом поднадоел уже многим кадровым сотрудникам. Сиротин с тревогой вслушивался в слова коллег. Все жаловались на отсутствие в магазинах хоть каких-нибудь продуктов, на сумасшествие толпы, которая с каждым новым выходом журнала «Огонек», устраивала истерические демократические шабаши на Лубянской площади, непосредственно у стен КГБ. Совершенно выводила из себя неадекватность начальства. К примеру, когда оперативный штаб взял под контроль ситуацию в Латвии, Литве и Эстонии, когда пошли первые задержания особо ярых нарушителей общественного порядка, из Москвы вдруг пришел приказ всех отпустить, оперативный штаб разогнать, а оружие отдать боевикам народного фронта. Эту историю Сиротину рассказал хмурый майор из отдела кадров Рижского КГБ, злой и нервный. На него в Латвии было заведено уголовное дело, а семью никак не удавалось вывести из Риги. «Хорошо тебе там, в Лондоне, а у нас тут просто сумасшедший дом какой-то!», – Сиротин встретил этого майора на входе в первый корпус здания на Лубянке, когда тот пытался прорваться «наверх» с целой стопкой рапортов об увольнении от офицеров рижского гарнизона. Вообще, на неадекватность начальства жаловались все. Но задание, полученное Сиротиным

в этот раз, поражало своей какой-то совершенной дремучестью.

Сиротин, конечно, никому об этом задании не рассказывал, тем более, что допуск к информации о нем носил высшую категорию секретности.

Второй этаж красного лондонского автобуса был абсолютно пуст. За окном проплывали макушки деревьев и колоннады монументальных зданий викторианской эпохи. Сиротин пристроился у окна, профессионально отметив, что один из «топтунов» едет на первом этаже, а второй «ведет» советского дипломата на машине. Ближе к Риджент-стрит автобус заполнился народом. Сотрудник советского посольства грустно взирал на блестящие витрины магазинов Пикадили, заполненные ярко одетыми людьми и заваленные самым разнообразным товаром. Подполковник с тоской вспоминал пустые гастрономы Москвы и гигантские очереди за колбасой или мылом, которые он увидел, когда прилетел в СССР месяц назад, чтобы получить это странное задание.

В кабинете номер 454 здания на Лубянке Сиротина ждал какой-то очень важный лоснящийся тип из ЦК КПСС с аккуратной прической и идеальным пробором. В углу сидел начальник управления генерал-майор Хомяков. Этот генерал слыл в конторе человеком особенным и очень влиятельным. Хомяков в разговор не вступал, многозначительно молчал, а всю беседу вел этот тип из ЦК.

– Николай Владимирович, у руководства нашей страны к Вам очень важное поручение. Скажите, Вы искусством интересуетесь?

Сиротин неопределенно пожал плечами.

– А в Британской Национальной картинной галерее бывали? – здесь Сиротин в качестве ответа только кивнул.

– Ну, вот и хорошо! – оживился посланник Старой площади, – Так вот, там есть картина художника Ван Эйка, которая называется «Портрет семейства Арнольфини». Весь прошлый год эта картина в галерее не экспонировалась – она официально находилась на реставрации. Но мы знаем, что, кроме реставрации, ее несколько месяцев изучали в управлении специальных исследований МИ-6 и активно подключали к этому изучению «советский» отдел. Мы знаем, что в этой картине заложена какая-то важная информация о нашей стране. Причем информация эта каким-то образом касается именно нынешних реалий, что,

безусловно, странно, так как картина написана в 1434 году в Брюгге. Брюгге – это город в Бельгии, стране, в которой находится штаб-квартира НАТО. Такая вот странность, понимаете?

Ян ван Эйк, «Портрет семейства Арнольфини»,1434 год, Брюгге

Повисла пауза и подполковник Сиротин решил, что надо что-то ответить:

– Понимаю.

– Ну, вот и замечательно. Сейчас картину вернули в музей. Надо внимательно ее рассмотреть, попытаться восстановить какие-то события вокруг нее. Еще раз повторяю: ею занимались в британской разведке на самом высоком уровне. А у нас пока есть только это, – перед Сиротиным на стол легла мутная черно-белая фотография. На ней были изображены мужчина и женщина в старинных одеждах в какой-то комнате с большой люстрой и круглым иллюминатором в центре. Лицо мужчины показалось Сиротину смутно знакомым.

Автобус проехал арку адмиралтейства и вывернул на Трафальгар. Здесь было многолюдно, кипела обычная лондонская туристическая жизнь. Каменные львы, оберегающие покой адмирала Нельсона, чья фигура украшала высокую колонну в центре площади, равнодушно взирали на непрекращающееся туристическое паломничество в Национальную картинную галерею.

Сиротин миновал львов и очутился на ступенях галереи в окружении большой группы японских туристов, увешанных видео – и фотокамерами. Они шумели, передавали друг другу видеокассеты какого-то удивительного мини-формата и покупали новую фотопленку в небольшом магазинчике музея. Сиротин улыбнулся. Японцы перезаряжали в фотоаппаратах пленку так, как будто они готовы были перефотографировать всю британскую национальную галерею без остатка и увезти ее к себе в Японию, чтобы там распечатать на уникальной фотобумаге тысячи неестественно-ярких картинок в недавно открывшихся офисах печати фотоснимков фирмы Kodak.

«Топтун», вероятно, вертелся где-то рядом, но российский дипломат потерял его из виду на время. Зал средневековой фламандской живописи находился на втором этаже, но Николай, на всякий случай, довольно долго бродил по первому этажу, внимательно изучая картины Рафаэля и Леонардо да Винчи.

Сиротина не покидало ощущение, что занимается он полнейшей ерундой, но он не привык обсуждать приказы, даже если считал эти приказы глупыми. В то время, когда в Советском Союзе людям было буквально нечего есть, когда народные толпы ежедневно выходили на многочисленные митинги, когда разномастные шпионы заполонили пространство родной страны, советский резидент в Лондоне вынужден бродить по залам Национальной галереи и искать какую-то картину, которая, как кому-то показалось, имеет отношение к современной России, хотя написана в 1434 году в Брюгге. Бред какой-то!

Наконец, Сиротин дошел до зала фламандской живописи. Картина Ван Эйка висела в углу и ни у кого никакого интереса не вызывала. А зря. Картина была действительно необычной. Главным в картине были вовсе не фигуры мужчины и женщины, как могло показаться, если изучать эту картину по мутной черно-белой репродукции, полученной Сиротиным в Москве, а старинное зеркало, расположенное в самом центре композиции. Зеркало было круглым и действительно напоминало иллюминатор. В нем отражались несколько плохоразличимых фигур, которые в зеркале были видны, а в помещении на картине – нет. Над зеркалом, в самом центре картины было очень крупно написано красивым каллиграфическим почерком: «Johannes de Eyck fuit hie. 1434» – «Иоганнес де Эйк был здесь. 1434». Сиротин может и не был искусствоведом, но прекрасно понимал, что так странно художники свои картины не подписывают. В центре картины, крупными буквами. Да и подпись была явно не про картину, а скорее про зеркало. Ну, не мог же этот самый Иоганнес де Эйк в своем 1434 году вдруг оказаться… в зеркале!

Чем больше Сиротин вглядывался в картину, тем все более странной она ему казалась. Кроме постоянного, не исчезающего чувства, что мужчина на картине ему почему-то знаком, он продолжал одну за другой подмечать странные детали. Например, над головами людей в комнате висит большая люстра на шесть свечей, но горит почему-то только одна. Да и одну-то свечу зажигать никакой необходимости нет – на картине изображен ясный день, окно открыто и солнечный свет вполне освещает комнату. На подоконнике лежат апельсины. Какие, к черту, апельсины в Брюгге? А за окном виднеется вообще какое-то непонятное растение с совершенно невероятными красными круглыми плодами.

Ну, не бывает таких в жизни!

Женщина, изображенная на картине, была беременна. «Россия беременна революцией» – Николаю Сиротину почему-то вспомнились слова Ленина. Мужчина поднял руку, как будто хотел что-то сказать или от кого-то защититься. И в этот момент… Сиротин вдруг узнал этот жест. А затем сразу узнал и мужчину. Сомнений быть не могло, это был именно он. Но какое отношение этот человек мог иметь к картине 1434 года? Да и как вообще он мог бы в нее попасть?

Сиротин хорошо помнил выпуск 1985 года в Краснознаменном институте КГБ имени Андропова, прекрасно помнил всех своих сокурсников по факультету «Внешняя разведка». Конечно, руководство награждало сокурсников всякими ненастоящими фамилиями, но обучаемые неплохо сдружились и настоящие фамилии друг друга знали. Вот этот человек с картины носил фальшивую фамилию «Платов». Но Сиротин прекрасно знал, что никакой это не Платов, а майор Путин. Владимир и, даже, если память не изменяет, Владимирович.

После выпуска всех быстро раскидали по миру и не принято было интересоваться, кто куда попал, но Николай Сиротин однажды виделся с Путиным в Главном здании. Путина после института КГБ отправили служить куда-то в восточную Германию, он был не очень доволен и, вроде бы, даже собирался увольняться, чтобы отправиться обратно в свой родной Ленинград. Сиротину жаловаться было грешно – еще бы, в Лондон попал, поэтому он перед Володькой Путиным хвастаться не стал, чего товарища зря расстраивать? Попили тогда пивка из бочки на станции метро «Кировская», да и разбежались. Сиротин – в Лондон, Путин – в ГДР.

Но если это действительно был Путин (а такое впечатление, что картину рисовали прямо с него!), то, какое, какое, черт возьми, отношение может иметь майор Путин к российской истории? Да и как могли рисовать Володькин портрет в Голландии в 1434 году? Сейчас-то, извините, 1991-ый год идет! Что за глупости? Сиротин тряхнул головой, как бы сбрасывая с нее глупые мысли и еще раз посмотрел на картину. Сомнений не было. Это был Путин. Владимир Путин, поднявший руку, чтобы что-то сказать. Он всегда именно так поднимал руку в институте перед ответом на какой-то каверзный вопрос преподавателя.

Сиротин решил, что обязательно укажет в рапорте это поразительное сходство и отвернулся от картины, чтобы идти из галереи прочь, но неожиданно столкнулся

с маленьким японцем, наверное, отбившимся от группы.

Японец, правда, совсем не выглядел растерянным, много улыбался постоянно кивал головой, как бы извиняясь перед Сиротиным за то, что так неожиданно оказался у того прямо за спиной. А потом японец улыбнулся как-то со значением и вынул из кармана небольшое круглое зеркальце, которое мгновенно заиграло десятком веселых зайчиков по стенам зала фламандской живописи и протянул это зеркальце Сиротину. Сиротин пожал плечами, взял зеркальце и в ту самую секунду, когда он увидел в нем свое отражение, вдруг почувствовал себя очень, очень плохо. Перед глазами все поплыло, ноги ослабли, но Сиротин не упал, а странно поплыл в правую сторону, как будто был в невесомости. Потом ему показалось, что он поплыл все-таки не в правую сторону, а в левую, но глаза закрыла такая густая пелена, что ничего не стало видно, а уши заложило громким гулом. Сиротин изо всех сил пытался понять, что с ним происходит, но это становилось сделать все трудней и трудней. Внезапно густая пелена перед глазами полыхнула ослепительной белой вспышкой и подполковник КГБ перестал цепляться за сознание, покорившись какой-то странной, страшной и неведомой силе.

Глава III. Старинный манускрипт

Венеция, декабрь 2014 года

Сергей решил хорошо подготовиться к сегодняшней ночи. В конце концов, надо же было выяснить, где находится эта улица Calle Galeazza, на которой, судя по странному посланию, оставленному стариком на салфетке, нужно будет находиться сегодня в полночь! Карты Google услужливо выставляли ярко-красные метки на малюсенькой улочке в самом центре города. Но ушлому Анциферову захотелось увидеть эту улицу заранее. Удивительно, но иногда сама судьба, вне зависимости от наших желаний, управляет нами. Конечно, Сергей и представить не мог, что эта его ленивая прогулка к улице Calle Galeazza в будущем спасет ему жизнь. Но, дорогой читатель, вам стоит помнить, что свой внутренний голос надо слушать. Он плохого не посоветует.

Итак, наш герой, послушавшись внутреннего голоса, двинулся в сторону собора. И сразу же оказался в плотном туристическом водовороте, в котором почему-то

всегда можно встретить наших соотечественников.

– Проходим ближе к собору, – руководила движением пожилая дама, которой очевидно нравилось жить в Венеции и водить по ней непутевые барнаульские группы, – Именно здесь, обратите внимание, у входа в собор Сан-Марко, состоялось публичное унижение германского императора Фридриха Барбароссы. Его заставили преклонить по одним источником одно колено, по другим – два, а по третьим – просто пасть ниц перед встречавшим его римским Папой, с которым Барбаросса вел непримиримую войну.

– Проиграл, значит, войну-то? – переспросил крупный бритоголовый мужчина экскурсовода. Было очевидно, что мужчине стало очень обидно «за пацана».

– В том-то и дело, что войну он в тот момент как раз не проигрывал, а выигрывал и, наоборот, стягивал силы для последнего решающего удара. И армия его была на тот период самая сильная в мире. Но, по какой-то странной причине, историки до сих пор спорят, какой, он вдруг признал власть папы и навсегда ушел из Италии, которую активно завоевывал на протяжении двадцати лет и больше в нее уже никогда не возвращался.

– Предъяву, значит, ему сделали, – объявил неутомимый комментатор, на что экскурсовод не нашла, что ответить и поспешила продолжить рассказ.

– Именно здесь Папа подошел к униженному Барбароссе, поднял его с колен и они вместе, сопровождаемые венецианским дожем Себастьяно Дзиани, отправились внутрь храма, – женщина-экскурсовод вдруг начала декламировать нараспев и стало понятно, что ей вся эта история очень нравится. – Они вели германского императора к главному сокровищу этого собора – знаменитому Пала д’Оро – самому большому в мире золотому алтарю, перед 250 иконами которого и было суждено Барбароссе дать свою клятву больше никогда не нападать на итальянские города и признать власть Папы – наместника бога на земле. Пройдемте, товарищи, внутрь, я покажу вам этот знаменитый алтарь.

Туристы послушно направились к собору, а Сергей пошел к красивому фонтану, разбитому в непосредственной близости от собора. Там начиналась одна из многочисленных венецианских улиц, заполненная под завязку любопытными туристами, дешевыми сувенирами и многоголосым шумом.

Calle Galeazza Сергей Анциферов нашел быстро. Это была даже не улочка, а, скорее, переулочек в метр шириной и метров двести длиной. Внутри этого микроскопического переулочка каким-то чудом уместились две траттории и несколько дверей в жилые дома. Начало переулочек брал из полнолюдной улицы – настоящей реки, наводненной туристами, дальше «протекал» по узкому устью мимо тратторий и окончательно «заболачивался» в каких-то трущобного вида переулках, где, кажется, вообще никогда не ступала нога человека. Сергею, когда добрел до этих трущоб, стало не по себе. Вроде бы, Венеция, миллионы туристов, а тут такое – даже находиться страшно. И ни души.

Внимательно осмотрев дворик, в который завела его неприветливая Calle Galeazza, Сергей обнаружил, что, при желании, можно забраться на балкон одного из домов – достаточно лишь подтянуться, держась за каменный подоконник заколоченного окна, поставить ногу на торчащую из стены балку и можно запросто очутиться на одном из старинных балконов древнего венецианского дома. Пройдя еще немного вперед, наш герой увидел другой двор, еще мрачнее предыдущего, но зато с выходом прямо на одну из многолюдных туристических улиц. Сергей облегченно вздохнул, услышав привычный многоголосый венецианский гул, сел в какой-то пиццерии и попросил налить ему двойной виски. Ночь обещала быть интересной. Вначале даже было какое-то сомнение, а стоит ли вообще сюда идти и втягиваться в какое-то подозрительное приключение, действие которого будет разворачиваться в столь жутких декорациях, но потом самообладание вернулось и Сергей твердо решил прийти сюда сегодня в полночь.

Весь день наш герой был, как на иголках. Тревожное чувство, что сегодня произойдет что-то необыкновенное, не давало покоя. Он выпил еще виски, плотно поужинал в замечательном ресторане на берегу одного из каналов, пообщался с другом Иваном, который, там, в Москве, наконец-то доехал до дома. Анциферов начал было рассказывать историю про старика, зеркальце и салфетку, но вдруг понял, что друг его совсем не слушает, зевает и вообще, категорически настроен поспать, а вовсе не слушать красочные байки из Венеции.

– Старик, давай завтра, а? – Иван, как и все айтишники, был ленив, инертен и начисто лишен авантюризма.

Анциферов вернулся в гостиницу. Потом он что-то постил в Фэйсбуке, переписываясь смс-ками сразу с несколькими знакомыми девушками (он был

неженат и вызывал у девушек неподдельный интерес, что всегда бесило его женатых друзей – например, Ивана) и когда будильник в телефоне предусмотрительно запиликал без двадцати двенадцать, Сергей вздрогнул. Он так ждал этой минуты, а она все равно получилась неожиданной! Он быстро оделся и, скользнув тенью вниз по деревянной лестнице, вышел на улицу.

Полуночные улицы зимней Венеции были пусты и безлюдны. Ветер стал холодным и пронизывающим. Шаги отдавались гулким эхом в темноте дворов, редкие прохожие спешили побыстрее оказаться в тепле и уюте. Сергей вышел на Сан-Марко и поразился тому, насколько преобразилась площадь. Днем она была приветливой, воздушной и гостеприимной. Ночью она стала таинственной, величественной и неприступной. Полная круглая луна освещала купола собора, которые бросали на землю причудливые гигантские тени, казавшиеся живыми страшными сказочными существами. Сергей решил побыстрее миновать эти тени, почему – то стараясь не наступать на них. Все лавочки были закрыты, в редких ресторанах горел свет, но, даже там, где он горел, посетителей вообще не было. Город, еще совсем недавно переполненный сотнями тысяч людей со всего света, казалось, вымер.

Знакомая улочка, где обыкновенный менеджер по продажам обыкновенной московской фирмы средней руки Сергей Анциферов догадался-таки сегодня днем провести рекогносцировку, была абсолютно темна и освещалась единственным фонарем, обозначающим ответвление от туристической улицы в хаос и непонятность. Анциферов взглянул на часы, было ровно двенадцать. Именно в этот момент тишину венецианских улиц пронзил первый удар колокола часов с площади Сан Марко. Потом пробил второй. На третий удар часов наш герой набрал в легкие побольше воздуха и шагнул в абсолютную темноту, туда, где начиналась таинственная Calle Galeazza.

Он миновал ряд телефонных аппаратов, прикрепленных к стене справа, отчего и без того узкий проход стал еще уже и нетвердой поступью двинулся дальше. Колокол продолжал звонить. Вдруг маленькую улицу осветил яркий световой прямоугольник – это отворилась одна из дверей и на улицу вышел тот самый старик в черном одеянии. Дверь мгновенно закрылась. Старик подошел вплотную к Сергею и резко выдернул руку из-под своего плаща. В руке была зажата офисная пластиковая папочка, которую многие называют «файлом», а в файле этом лежала какая-то темного цвета бумага.

– Prendetelo e correre! Fuori di qui! (Бери это и беги. Беги!) – старик вложил файл в руку Сергея и начал подталкивать его вглубь переулка. Сергей не понимал, о чем говорит его странный недавний знакомый и никуда уходить не хотел. Бумага, обернутая в пластик, оказалась на удивление тяжелой и явно старинной – Сергей краем глазом увидел какие-то древние буквы, написанные безукоризненным уверенным почерком на потемневшем от времени пергаменте.

– Run! – опять властно сказал старик и, для убедительности, сделал жест рукой: иди, мол. Сергей, повинуясь этому жесту, пошел в темную глубину улицы. Прошел шагов десять и оглянулся.

Улица в Венеции ночью

И в этот самый момент события вдруг заветрелись с бешеной быстротой. Со стороны туристической улицы в переулок разом вошли три человека. Шли они так быстро и так решительно, что никаких сомнений не было – они точно знали, куда они идут и кто им нужен. Увидев в переулке стоящего у них на пути старика, они ничуть не удивились и ни на секунду не сбавили шага. Наоборот, их движения стали более четкими и слаженными. Один из этих троих, не останавливаясь, выбросил вперед руку и в руке вдруг сверкнул клинок. Быстрым движением этот человек полоснул по горлу старика, а еще один из этих троих заученно поддержал жертву, уже оседающую на землю, и прислонил к стене дома. Третий начал быстро шарить по одежде несчастного, выворачивая и проверяя карманы. Кровь, поначалу брызнувшая из горла старика фонтаном, теперь просто обильно стекала куда-то за ворот и начала просачиваться из рукавов его черного одеяния на землю. В свете единственного фонаря, ручеек, потекший по старинной мостовой, огибая причудливые очертания древних булыжников, стал блестящим и черным. Но на это никто из троих парней вообще не обращал внимания. Страшно вытаращились глаза старика, страшно клокотала кровь из разорванной артерии. Сергей Анциферов, какие-то доли секунды наблюдавший эту дикую сцену, развернулся и побежал вглубь Calle Galeazza. Парень с ножом, почувствовал какое-то движение в глубине темной улицы и обратил на это внимание товарищей. Еще несколько секунд они быстро переговаривались, пока один из них продолжал обыскивать старика.

Что, в итоге спасло Сергею жизнь? Те несколько секунд, которые промедлили эти трое парней? Предварительная прогулка по Calle Galeazza, совершенная в светлое время? То, что старик сразу оттолкнул нашего героя и заставил его на какое-то количество шагов уйти вглубь темной улицы? Удивительное везение?

Сергей, подгоняемый страхом, помчался вперед, в темноту. Он слышал крики этих троих парней и понимал, что права на ошибку у него нет – эти ребята разделаются с ним так же быстро и неумолимо, как только что разделались со стариком из Дворца Дожей. Во мгновение ока Анциферов оперся левой ногой на выступавшую из стены балку и просто взлетел на старинный балкон, примеченный сегодня во время дневной ознакомительной прогулки. Он перебросил ногу через резной парапет, а потом свалился туда весь, больно ударившись в момент приземления о закругленное каменное дно средневекового балкона. Упал и замер. Именно в этот момент где-то совсем рядом послышался топот ног его преследователей. Сергей даже дышать перестал. Но сердце стучало просто бешено и с этим наш герой, к сожалению, ничего поделать не мог. В какой-то момент ему показалось, что сумасшедший стук сердца услышали и парни, остановившиеся, судя по звукам, всего в нескольких метрах от его балкона. Сергей понял, что ему очень страшно и он уже готов был подняться из своего укрытия и выйти, сдавшись на милость этих ужасных людей, чтобы постараться как-то убедить их в том, что он ничего не видел и, конечно, никому об этом никогда не расскажет.

Но в этот момент парни опять задвигались и побежали в соседний двор, из которого был выход на широкую туристическую улицу. Прошло еще несколько минут и они опять вернулись. Даже не нужно было знать итальянского, чтобы понять, что они тихо ругаются между собой, пытаясь найти виноватого в том, что недавнему неведомому свидетелю зверского убийства удалось скрыться. Их голоса стали удаляться – они, препираясь, опять пошли к тому месту, где в луже крови лежал старик.

В абсолютной венецианской ночной тишине до Сергея доносились страшные звуки: старика, казалось, раздевали, деловито расстегивая молнии, отрывая пуговицы и вспарывая какую-то ткань. «Так его же обыскивают!», – догадался Сергей. Впрочем, вопрос «Что же они ищут?» он сам себе задавать не стал. Все было понятно. Пластиковая папочка с бумагой, переданная стариком, зажатая во вспотевших ладонях и судорожно прижатая к груди, была очевидным ответом на этот вопрос.

Сергей пролежал на холодном полу средневекового балкона еще час. Несмотря на то, что три ужасных субъекта давно ушли (и это было хорошо слышно), наш герой решил, для верности, еще какое-то время не выходить из своего укрытия. Когда же он перелез через балкон и спустился на землю, все тело ныло, ноги затекли, а в груди и голове судорожно продолжал стучать какой-то невидимый молоток. Старик все так же лежал в луже крови, раскинув руки и вывернув голову к холодной круглой луне. Только теперь его диковинная черная одежда была вся изрезана и вывернута наизнанку. Сергей почувствовал, что к горлу подходит тошнота.

По-прежнему продолжая прижимать к груди пер гамент в пластиковой папочке, он пустился бежать сквозь ночной город к отелю San Gallo, уже не обращая внимания на внезапно возникающую в свете фонарей свою чудовищную уродливую тень, перечеркивающую брусчатку исторических площадей и на множащееся эхо бешеного стука собственных каблуков в извилистых венецианских переулках.

Глава IV. Драгоценный подарок

Италия, 1 июля 1178 года

Чадящий свет факелов тускло освещал большой императорский шатер. Огромный рыжебородый человек в позолоченных латах неподвижно сидел на резном походном троне, подперев голову кулаком левой руки. На пальцах блестели драгоценные перстни с диковинными камнями, добытыми в самых разных уголках земли, где находились его многочисленные владения. Человека звали Фридрих. Всему миру он был больше известен под прозвищем Барбаросса, что означало «Рыжебородый».

Позади трона, не шевелясь, стояли рослые стражники, давно приученные быть молчаливыми и незаметными, как древние статуи. Но многие в Европе знали, как мгновенно оживала эта дюжина статуй по одному лишь неуловимому жесту повелителя. Человек, посмевший сказать что-то непочтительное или дерзкое, кем бы он ни был, без всякого сожаления мог быть казнен за одну секунду прямо у ступенек императорского трона. Барбаросса был холоден и жесток, как и подобало сильному и величественному вождю, захватившему полмира. Сейчас

перед троном никто не стоял и в глазах дюжих стражников можно было прочитать полную отстраненность от существующей реальности.

Император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса размышлял. Тяжелые мысли, которые пришли ему в голову достаточно давно, сегодня выстроилась в четкую и логичную цепочку. Это были мысли о человеческой подлости, о предательстве и всевозможных карах, которых достойны враги великой империи.

Виной всему были мерзкие итальянцы, никак не желавшие становиться вассалами германской короны. Вот уже десять лет каждый год собирал Барбаросса лучших немецких рыцарей и вел их за собой на благословенные итальянские земли, к крепостным стенам великих древних городов. Уже неоднократно войска неистового Барбароссы врывались на улицы Милана, Рима, Вероны, Пьяченцы, Брешиа, Бергамо. Реки крови текли по булыжным мостовым, бушевали страшные пожары, казалось, что в этих городах не осталось ни одного человека, способного сопротивляться силе Священной Римской империи, когда-то созданной и задуманной его предком Карлом Великим и, по сути, заново собранной Барбароссой. Но проходил какой-то год и как из-под земли вырастали новые крепостные стены, откуда-то появлялись новые солдаты и непокорные итальянцы снова начинали дерзить великому императору, отказывались платить дань, уничтожали оставленные в городе гарнизоны.

В Ватикане, после очередного кровавого взятия Рима Барбароссой, когда на улицах еще дымились обугленные тела, а на площади Святого Петра германские солдаты насиловали согнанных сюда итальянских женщин, перепуганный папа Андриан VI возложил на чело Фридриха императорскую корону. Казалось бы, что еще было нужно итальянцам для того, чтобы понять наконец, кто здесь настоящий хозяин? Фридрих хорошо запомнил тот конфузный момент, когда он вышел из Собора Святого Петра в древней императорской короне, а ему что-то нестройно кричали пьяные солдаты. Ни один местный житель не пришел на площадь его поприветствовать. Женщины, подбиравшие свою разорванную окровавленную одежду, были не в счет. Да и расходились они молча, прижимая свое барахло к груди и изредка всхлипывая.

А ночью город просто взорвался. От тысяч факелов стало светло, как днем. Римляне, как выяснилось, вовсе не были побеждены. Они врывались в дома, где спали солдаты Фридриха и убивали их всем, что попадалось под руку: мечами, вилами, булыжниками, дубинами. Они жгли солдат огнем, резали им спящим

горло, душили веревками. Император Фридрих тогда скомандовал спешное отступление из города, которое, правда, больше было похоже на бегство. В тот раз он захватил Рим ровно на один день. Ну как с такими людьми воевать? Конечно, биографы императора постарались расписать это неожиданное отступление как последствие страшной эпидемии чумы, которая коварным образом начала косить германское войско прямо в день коронации, но Барбаросса знал истинную суть вещей и эта истинная суть его совсем не радовала.

И вот теперь опять – приходится снова собирать немецкую знать, цвет рыцарства – у неубиваемой итальянской гидры выросла новая голова – Ломбардий ская Лига. Какие-то недостойные люди, называющие себя жителями Милана, города, который Барбаросса сжег, не оставив там камня на камне, вдруг нашли где-то деньги, оружие и выступили против своего императора. Барбаросса не сомневался, что сокрушит и эту странную Ломбардийскую Лигу, но сил оставалось все меньше, германские рыцари все менее охотно отправлялись в регулярные, чуть ли не ежегодные походы на города, которые почему-то никак не удавалось покорить, а приходилось каждый раз завоевывать заново. Просто колдовство какое-то. Впрочем, Фридрих уже давно начал догадываться, в чем тут дело и кто автор этого колдовства.

Венеция. Ну, конечно, она! Вот, кто все это время незримо преследовал германского императора, вот кто строил темные планы, подкармливая гигантскими займами то Рим, то Милан. Вот, кому была выгодна постоянная борьба императора с непокорными итальянскими городами, вот, кто находился в полном восторге от того, что Барбароссе приходилось менять уже третьего Папу, в то время как в Европе, прямо сейчас, независимо друг от друга, существовало сразу три Папы, а весь христианский мир оказался полностью деморализован. В это время хитрые венецианцы увеличивали обороты со своей торговли, прекрасно жили себе со своим патриархом, грабили Византию и считались самой богатой страной мира.

Почему-то именно сегодня Барбаросса четко понял, с кого надо начинать, чтобы раз и навсегда разделаться с непокорной итальянской гидрой. Не в Рим нужно врываться его обезумевшим от вида крови солдатам, не Милан сжигать, заставляя каждого жителя выйти из города только с тем, что он может унести в собой в руках. Нужно идти на Венецию. Вот, где вражеское гнездо! Вот где можно будет поживиться его армии! Вот город, после падения которого уже никакой Рим, никакой Милан головы никогда не поднимут, потому что неоткуда

будет взяться этой мощной финансовой поддержке, этой лживой хитрой дипломатии!

Барбаросса вдруг отчетливо осознал, что армии, которые насылал на него римский Папа из изгнания, и отлучение его, великого императора Священной Римской империи, от церкви, и недавнее поражение германских войск в битве при Леньяно, явившееся следствием чьего-то подлого предательства, и вся эта недавно объявившаяся Ломбардийская лига – все это были звенья одной цепи, детали одного коварного плана, созданного в тиши венецианских палаццо под плеск волн и гортанные песни гондольеров.

Чем больше император думал об этом, тем яростнее он становился: «Ну, хорошо, ладно. Я еще отыграюсь. Мне бы только до Венеции этой добраться. Я их выжгу, как клопов».

Внезапно занавесь на входе в шатер колыхнулась и на пороге появился высокий человек, обладавший стальным взглядом и хищным орлиным профилем. Это был Райнальд фон Дассель, архиепископ Кёльнский, человек бесстрашный и безгранично преданный своему императору. Когда-то он входил вместе с Барбароссой и передовыми германскими отрядами в сожженный дотла Милан. Именно его распоряжением святые мощи волхвов были изъяты из Миланского Собора и навсегда перевезены в Кёльн. В те дни фон Дассель сменил рясу на боевые доспехи и стал рейхсканцлером Милана. Когда он требовал безоговорочного выполнения Ронкальских постановлений, огнем и мечом усмиряя непокорных итльянцев, начался бунт и тысячи людей, перебив немногочисленный германский гарнизон, рыскали по городу в поисках ненавистного рейхсканцлера. Бунтари мечтали вздернуть Райнальда фон Дасселя прямо на шпиле оскверненного им миланского собора, в который уже никогда не было суждено вернуться украденным реликвиям.

Но сдаваться на милость толпы вовсе не входило в планы рейхсканцлера. В тот день Дассель переоделся простолюдином и чудом сумел исчезнуть из города, захваченного бунтовщиками. Спустя полгода он нашел зачинщиков бунта и лично казнил каждого.

Сегодня он был опять в рясе. Лицо его, испещренное многочисленными шрамами, менее всего походило на лицо священнослужителя. Кривой перебитый нос, холодные, внимательные глаза и узкие губы, сжатые в тонкую полоску не оставляли сомнения – этот человек не однажды смотрел в лицо смерти и

немного существовало на свете вещей, которые могли бы внушить ему страх.

В глазах стражников, неподвижно стоящих за спиной трона, совсем ненадолго появилось выражение некоторого интереса, которое, впрочем, тут же исчезло. Фон Дассель был в этом шатре частый гость и этого человека император любил. Барбаросса приближал к себе только доверенных ветеранов, прошедших с ним не одну кампанию и на которых можно было положиться в трудную минуту, что было проверено многочисленными боевыми примерами, которыми оказалась так богата жизнь императора Священной Римской империи. Этому человеку разрешалось входить в императорские покои в любое время.

– Мой господин, – Райнальд фон Дассель взглянул исподлобья на Фридриха, – К Вам хочет пройти какой-то венецианский вельможа. Говорит, что у него для Вас важные вести. Приехал с дарами. Мы проверили, он без оружия.

– Венецианский? – в голосе Фридриха зазвенела сталь. – Хорошо, давай, зови, – и откинулся на спинке своего походного трона, затылком чувствуя силуэт величавого орла, созданного искусными резчиками Магдебурга. Райнальд фон Дассель поклонился и отправился звать гостя.

Через минуту в шатер вошел величавый пожилой человек с короткой седой бородкой и пронзительными голубыми глазами. Он был одет в роскошные дорогие одежды, свидетельствовавшие о богатстве его семьи и высоком общественном положении в Венецианской республике. Двое слуг несли за ним нечто большое и плоское, укрытое дорогим, расшитым золотом, покрывалом. Это большое и плоское больше всего походило на картину, но, судя по осторожности, с которой слуги перемещали этот груз, вряд ли это была картина, а если и картина, то тогда какая-то очень ценная. Но Барбаросса сразу догадался, что за таинственный груз скрывается за дорогим покрывалом и лицо его посерело.

Однако Фридрих изобразил скучающий вид и приподнял правую бровь. Стражники за спиной правителя очень внимательно посмотрели на вошедшего.

– О, великий император, – начал свою речь визитер, – Меня зовут Энрико Дандоло. Я – представитель одного из самых могущественных и знатных вене цианских родов. Сегодня, перед твоим божественным ликом я представляю всю Венецианскую республику, правление которой обязало меня изложить несколько

вопросов, которые, очевидно, должны привлечь твое августейшее внимание.

Фридрих продолжал равнодушно смотреть на посланника, не выказывая никаких эмоций.

– Для начала, я хотел бы, чтобы великий император принял наш скромный дар, – Дандоло потянул за край покрывала.

– Если я сейчас увижу за этим покрывалом зеркало, я отрублю тебе голову, – медленно, чтобы не показать всю свою ярость, прорычал Барбаросса.

За долгие годы беспрерывного штурма итальянских городов, повелитель Священной Римской Империи сумел раздобыть от многочисленных шпионов совершенно невероятную информацию. Обрывочные сведения собирались буквально по крупицам, но эти бесценные крупицы многое объясняли в сегодняшних геополитических раскладах. Речь шла о колдовской силе венецианских зеркал. Многие в это просто не верили, но Барбаросса всегда с опаской относился ко всему, что было ему непонятно. Боязнь ко всему, что связано с магией и колдовством, внушил ему отец, швабский герцог. Уже с раннего младенчества маленький Фридрих не подвергал сомнению рассказы о существовании на земле магических чар, поэтому он сосредоточил усилия своих шпионов на максимальном сборе информации о колдовской силе венецианских зеркал. И вот, что удалось ему выяснить.

Зеркала были очень дорогими и позволить себе их приобрести могли только самые богатые и знатные семьи в европейских странах. Иметь в доме зеркало было очень престижно. В Венеции быстро сообразили, что за люди покупают у них зеркала и как важно иметь над этими людьми власть. Путем какого-то непонятного воздействия на стекло, из которого зеркала изготовляются, венецианцы научились не просто делать зеркала (чего никто больше в мире не умел), но и влиять на тех, кто в эти зеркала смотрится. Удивительные истории про силу зеркал были больше похожи на сказки, но факты были упрямы и было их слишком много, чтобы просто поверить в цепь случайных совпадений.

Например, именно одного взгляда в присланное из Венеции зеркало хватило римскому папе Бонифацию VII, непримиримому врагу имперского трона, чтобы потерять рассудок. На следующий день обезображенный труп Бонифация VII был обнаружен в Риме у подножия каменной статуи римского императора, а

подаренное зеркало бесследно исчезло из его покоев.

Рассказывали и вовсе невероятные истории Например, человек мог просто войти в зеркало, поверхность которого вдруг на какое-то время становилась зыбкой и затуманенной. Потом эта странная поверхность смыкалась за вошедшим в нее человеком и больше его никто никогда не видел – зеркало начинало просто опять отражать предметы.

Или была еще другая история, произошедшая в царской бане Константинополя. После всего одного взгляда в зеркало, которое прислал ему зять, дож Венеции Пьетро Орсеоло, пал замертво византийский император Роман Аргир. Его жена Зоя раскрошила только что установленное в бане зеркало массивным канделябром и, стоя на его осколках, в ту же ночь провозгласила им ператором своего любовника Михаила. Интересно, что будущей императрице шел тогда 55 год, но при этом была она очень хороша собой. Вообще, эта история про зеркало имела удивительное продолжение. Уже потом, когда Зоя уничтожила своего любовника и выходила замуж в третий раз, в 64 года, она по-прежнему была очень красива и имела огромный успех у многочисленных поклонников. В 74 года она инкогнито выходила в город, знакомилась с молодыми людьми и страстно проводила с ними ночи. К тому моменту четвертый муж был ей уже неинтересен.

Тайна вечной молодости Зои Порфирородной объяснялась тоже странными свойствами какого-то особенного зеркала, которое Зоя всегда носила с собой и смотрелась в него постоянно. Зеркало это было ей передано из Венеции одновременно с тем, от которого погиб Роман Аргир. Это маленькое зеркало давало здоровье и совершенно удивительную способность не стареть. Именно это зеркало похитила и разбила будущая византийская императрица – Феодора, отомстившая таким образом своей родной сестре Зое за страшные унижения, пострижение в монахини и двенадцать лет плена в Петрийском монастыре. Как только зеркало было уничтожено, Зоя мгновенно обезобразилась, зачахла и умерла.

С тех пор прошло всего сто лет, а на просторах Священной Римской империи уже вовсю ходила легенда о волшебном зеркале, спящей красавице и злой царевне, которая каждый день смотрелась в волшебное зеркало и это зеркало ежедневно убеждало царевну в том, что она прекраснее всех на свете. Но мало кто знал, что сказка эта – абсолютная правда и не что иное, как переиначенная быль про взаимоотношения двух византийских сестер – Зои и Феодоры. И волшебное

зеркало действительно существовало и в него обязательно один раз в день смотрелась прекрасная царевна Зоя, пытавшаяся сжить со свету свою родную сестру. Шпионы Барбароссы не ошибались.

Справедливости ради, стоит заметить, что среди рассказов о венецианских зеркалах, тех историй, в которых люди лишались воли, разума и сил, где их настигали чудовищные смерти или страшные болезни, было гораздо больше, чем историй романтических – например, про вечную молодость и красоту или быстрое исцеление от ран (было и такое).

Именно поэтому Барбаросса охотнее верил в истории страшные. Это позволяло ему всегда держаться настороже и постоянно помнить об опасности, чтобы однажды не взглянуть в какое-нибудь заколдованное зеркало. И хотя очень немногим шпионам удавалось добраться до каких-то обрывистых, противоречивых и, зачастую сильно приукрашенных сведений, уже само их наличие в глазах Барбароссы было лишним подтверждением тому, что все, рассказываемое о волшебной силе венецианских зеркал – правда.

Секрет своих зеркал венецианцы хранили очень строго, за этим следил специально созданный для этого всесильный Совет Десяти, который, не раздумывая, лишал жизни любого, кто мог хотя бы допустить мысль о том, чтобы древний секрет узнали еще в какой-нибудь стране. Совет Десяти придумал разместить на стене Дворца Дожей страшную маску человека, в рот которому любой гражданин Венецианской республики мог положить донос на любого другого гражданина, кем бы он ни был. Совет Десяти детально разбирался в сути каждого доноса, выискивая среди тысяч мелких кляуз и дрязг самое страшное – попытку рассказать что-либо о тайне зеркал. Был издан специальный указ, согласно которому изготовителям зеркал и членам их семей под страхом смерти запрещалось не только выезжать за пределы страны, но даже покидать маленький остров Мурано в венецианской лагуне, куда компактно расселили всех зеркальщиков и стеклодувов.

Однажды Альфонсо Храбрый, король Леона и Кастилии, пообещал насыпать гору золота высотой с собственный рост тому, кто сумеет раздобыть секрет изготовления венецианских зеркал. И вот, движимые нечеловеческой жадностью, два стеклодува, отец и сын, решились на отчаянный шаг. Конечно, о том, чтобы выдать секрет и остаться жить дома, на острове Мурано, речи идти не могло. Побег отец и сын готовили в строжайшей тайне несколько месяцев. Они скрывались от любопытных глаз в стоках нечистот, сутками прятались в

узком неудобном ящике, чтобы никто не заметил их тайную погрузку на корабль, в котором специально для них была оборудована секретная каюта, расположенная глубоко в трюме, среди мешков специй и клеток с диковинными животными, которых везли из восточных стран в Европу. Из корабля беглецов выгружали глубокой ночью, в обстановке строжайшей секретности и двое суток, без единой остановки, мчали в карете с плотно закрытыми шторами в Толедо. И лишь только когда беглецов доставили до неприметного дома на одной из улиц Толедо, все входы и выходы в который охраняли отчаянные головорезы, входившие в отборную королевскую гвардию, только тогда отец с сыном смогли перевести дух и послать одного из стражников за вином, чтобы отметить счастливое бегство из Венеции. Стражник пришел с вином, открыл дверь в комнату, где прятались венецианцы и с ужасом обнаружил обоих стеклодувов, лежащих на полу и истекающих кровью. Горло отца и сына было перерезано, кровь залила весь пол, а на груди у каждого беглеца лежала маленькая красная карточка с изображением крылатого льва, вооруженного мечом – так выглядела эмблема Совета Десяти. Вот как хранили тайну волшебных зеркал!

Барбаросса понимал, что рано или поздно в венецианское зеркало предложат посмотреть и ему. Видимо, этот миг настал именно сегодня. Подумать только, именно сегодня, когда он четко решил стереть Венецию в порошок! Они, что там, и мысли читать умеют?

Слова императора про зеркало, произнесенные только что ясно и конкретно, прозвучали тихо, но очень грозно.

Энрико Дандоло задержал руку, уже взявшуюся за край покрывала. Было очевидно, что венецианский посланник явно не обрадовался информированности германского императора. Как будто легкая тень пробежала по благородному лику посла, но, надо признать, владел он собой великолепно. Легкая тень на лице исчезла так же быстро, как появилась и никто бы ее никогда и не заметил. Никто, кроме Барбароссы.

– О, великий император, – сказал Энрико Дандоло негромко и голос его даже не дрогнул, – Я понимаю, что только ты, со сведущей тебе мудростью, знаешь о некоторых чудодейственных фокусах, которые можно проделывать с нашими зеркалами. Однако людская молва приписывает этому слишком много не былиц, которые мы просто устали опровергать.

– Венецианец, твои слова так же похожи на правду, как карканье ворона похоже на пение соловья! Ведь я угадал? Там – зеркало? – Барбаросса угрожающе поднялся с трона.

Стражники, стоящие за троном Барбароссы, по-прежнему, не двигались. Но в глазах их как будто включилась небольшая лампочка, обозначающая переход от спящего режима к активному.

– Да, о великий император. Там зеркало. Самое роскошное из существующих на земле, достойное твоего благосклонного взгляда, – Дандоло говорил спокойно, без страха глядя в глаза приходящего в бешенство германского императора.

– Ну, так взгляни в свое зеркало сам! Взгляни, а я посмотрю, что с тобой будет, – Фридрих захохотал, – Что, боишься?

– О великий император, – только сейчас голос Дандоло вдруг немного дрогнул, – Чтобы раз и навсегда развеять небылицы, которые нечестивые люди рассказывают о наших зеркалах и которые недостойно привлекли твое августейшее внимание, я предлагаю сделать следующее.

Император с интересом взглянул на посланника.

– Пусть завтра здесь соберутся все близкие тебе люди, стража, свита. Я открою покрывало с этого зеркала. Первый подойду к нему и взгляну в него. Надеюсь, таким образом мы пресечем кривотолки и ты получишь прекрасный дар от моего государства.

– Отличная идея, – было видно, что идея Фридриху и вправду понравилась, – Это будет правильно.

Я завтра соберу весь двор и всем расскажу, как мы дальше будем жить с Венецией. Думаю, это будет важно услышать всем. Ну, а ты, если, конечно, останешься жить, передашь это послание своему дожу. И с зеркалом твоим мы завтра тоже позабавимся! – на этих словах Фридрих опять засмеялся.

Посол молча склонил голову в почтительном поклоне.

– А теперь, иди в свои покои. Тебе покажут, где разместиться. И не вздумай бежать! Надеюсь, у тебя хватает ума, чтобы понять, что это невозможно.

Неслышными тенями появились в шатре верные императорские оруженосцы и вывели гостя.

На улице к Энрико Дандоло подбежали двое слуг, которые вносили зеркало в шатер Барбароссы.

– Как же быть? Что же теперь делать, господин? – чуть слышно, еле разлепляя губы, зашептал один из них, заглядывая Дандоло в глаза.

– Вы все слышали?

– О, да, мы находились вместе со слугами императора неподалеку от вас, господин. Мы ночью будем бежать? – говорящий покосился на солдат императора, следовавших за ними, но на почтительном расстоянии.

– Нет, Серджио. Мы не будем бежать, – тихо и печально сказал Дандоло.

– Но как же тогда? Как же быть? – слуга заглядывал в спокойное лицо Дандоло и даже представить себе не мог, что собирался сделать сегодня этот человек.

Долго еще будет жить благородный старец Энрико Дандоло. Удивительно долго. Но никогда он не забудет того, что произойдет сегодняшней ночью. Ни когда великая Венеция рукою Дандоло заставит непобедимомго Барбароссу распластаться ниц перед Папой прямо на площади Сан-Марко, ни когда Дандоло в восьмидесятипятилетнем возрасте станет правителем Венеции, ни когда он, девяностовосьмилетний, возглавит Крестовый поход и штурм Константинополя, а потом будет провозглашен византийским императором. Он не забудет потому, что самое важное событие в жизни Энрико Дандоло произойдет именно сегодня. Этой ночью было предначертано будущему правителю Венеции и Византии пройти великое и самое страшное испытание в своей жизни.

Глава V. Неудачная попытка разбогатеть

Москва, декабрь 2014 года

Прошла неделя с тех пор, как Сергей Анциферов прилетел в Москву и неделя и одна ночь после страшного венецианского приключения. Древний пергамент в прозрачном файле, нагло размещенный в большой сумке среди сувениров, никакого внимания службы охраны аэропорта не привлек. Сергей часто думал, что он скажет о пергаменте, если вдруг его спросят о нем представители итальянской таможни или полиции. И каждый раз терялся, считая прежний ответ неправильным и каждый раз стараясь придумать ответ новый. Ночами ему снился старик с перерезанным горлом и длинные уродливые венецианские тени, искажаемые узкими высокими стенами старинных зданий по набережным каналов.

– Ну-ка, дай еще раз эту фигню посмотреть, – друг Сергея Иван, длинный лохматый и беспечный сослуживец, работавший системным администратором в той же фирме, уже не первый раз брал в руку перга мент и грустно качал головой. Было очевидно, что он жалеет о том, что с ним такие приключения никогда в жизни не происходят.

Пергамент оказался очень старым, очень загадочным и совершенно нечитабельным. При этом какие-то древние буквы были нанесены на него, казалось бы, в совершенно хаотичном порядке, на обеих сторонах древнего листа. Друзьям пришлось немало поломать голову, прежде чем догадаться о некоторых действиях, которые необходимо было проделать с пергаментом. Однако к разгадке того, что там написано, наших героев это не приблизило. Например, для того, чтобы слова, написанные на разных сторонах пергамента, оказывались единой строкой, старинный документ нужно было сложить неким причудливым образом. Об этом догадался Сергей, исследуя древние сгибы. Но и в этом случае строки были какими-то неполными. После длительных манипуляций друзья обнаружили, что строка становится полной, если документ правильным образом свернуть, а после этого посмотреть на просвет. Это открытие присвоил себе Иван, догадавшийся приложить к оконному стеклу уже свернутый пергамент. Благодаря наличию странных водяных знаков, как на денежных купюрах, которые естественно дополняли знаки, уже существующие по обеим сторонам документа, можно было увидеть ровные строки совершенно непонятного текста. Но и в этом случае, хотя строчки и становились полными, ничего прочитать было совершенно невозможно – буквы были вроде бы знакомы, но понять хоть что-нибудь не получалось.

– Нет, ну ты глянь, какие хитрецы! – в который раз восторгался Иван, – Прикинь, ну, ведь совершенно невозможно копию этой штуки сделать! Ее ведь ни сфотографировать, ни отсканировать никак нельзя. Да и точно такую же фиг сделаешь! – Иван, как ведущий шоу «Магазин на диване», нахваливал Сергею «свой товар», – Предположим, отсканировал ты эту сторону, но тебе ведь и другую надо, – Иван демонстрировал другую сторону, – Но и этого мало, тебе ведь надо их особым образом сложить! Но даже если ты додумался точно так же сложить несколько таких отсканированных листов, тебе ведь нужно водяные знаки сделать, которые внутри и видны только на просвет, да так, чтобы они недостающие части букв дополняли! Это-то ты как сделаешь? – победно вопрошал Иван у молчавшего Сергея.

Сергей Анциферов разделял восторги Ивана и был поражен не меньше его удивительным пергаментом, который, действительно, нельзя было не только прочитать, но и отсканировать, и сфотографировать, и даже просто изготовить хоть что-то отдаленно его напоминающее.

С момента приезда из Венеции он давно уже мучился вопросом: что ему делать с манускриптом, который попал к нему таким страшным образом? Сергей успел уже несколько раз рассказать Ивану свою венецианскую историю, они уже и выпивали по этому поводу и задумчиво размышляли, что же с этим делать, выкуривая большое количество сигарет и пуская струйки дыма в ночной бархат московского неба, стоя на балконе двенадцатиэтажки на улице Большая Грузинская, где Анциферов снимал квартиру.

Неделя – большой срок для молодого и, как это сейчас модно говорить, занимающего активную жизненную позицию, человека. За это время Сергей успел пять дней потрудиться в офисе, ловя на себе завистливые взгляды сослуживцев (надо же, командировка в Венецию!). Но тоска не проходила, смутная тревога оставалась, а что делать с манускриптом, так и не было решено. Неделю понаблюдав за другом, Иван задумал предпринять решительные действия по его психологической реабилитации.

Супруга Ивана, миловидная и смешливая девушка по имени Марина, отправлялась на выходные к родителям в Тверь. Иван посчитал это благословенным знаком и предупредил Сергея, что начнут они отдых в пятницу, продолжат в субботу, закрепят пройденное в воскресенье, а к понедельнику никакой грусти у Сергея и в помине не останется, сколько не ищи. Короче говоря, Иван решил вышибать из друга тоску-печаль традиционными

российскими методами: холодной водкой, разухабистой гульбой и разговорами по душам.

Анциферов, в общем-то, был не против. Вчера была пятница, Марина уехала, а Иван появился на пороге Серегиной квартиры с большим пакетом из «Перекрестка», позвякивающее содержимое которого должно было помочь раскрыть чакры друга всерьез и надолго.

Сегодня шел уже второй день релаксации. За окном стояло яркое утреннее зимнее великолепие, немногочисленные машины изредка шуршали по субботней Большой Грузинской, погрузившейся в сладкую и непроходимую дремоту. Стол анциферовской комнаты был завален тарелками, стаканами, пепельницами, яблоками, недопитыми бутылками из-под водки и из-под пива, пачками сигарет, мобильными телефонами и какими-то бумагами.

Друзья сидели молча, сосредоточенно глядя в одну точку, только не вне, а куда-то глубоко вовнутрь себя. Бывает такое ощущение с похмелья, как будто внутри тебя – бездонная пустота и каждое слово или каждое движение отзываются где-то внутри организма звоном или гулом. В этом состоянии говорить тяжело. Но можно.

– …Слушай, зачем он тебе? – медленно спросил Иван. И хотя несколько минут до этого они молчали и никто ничего не говорил, Сергей сразу понял, что друг говорит о манускрипте, поэтому совершенно не удивился, когда тот продолжил: – А давай его продадим! Антикварам!

Собственно, идея про антикваров ими обсуждалась уже не раз, но сегодня, в зыбкой похмельной ясности, вдруг показалось, что она – самая очевидная.

– Слушай, ну, ведь денег, действительно, заработать можно будет! Ну, прикинь… Вот тебе, пожалуйста, гарантированная десятка зелени на этой хрени! А тебе-то эта фиговина зачем? Ходить и мучиться? Продай и забудь навсегда! – Иван разлил по рюмкам водку и протянул другу кусочек соленого огурца, – Давай!

– Давай! – согласился Анциферов, выпил и вдруг решительно встал. – Фиг с тобой, пошли к антикварам.

Иван, довольный тем, что высказанная им мысль была принята так быстро, не заставил себя упрашивать и направился в прихожую одеваться.

Через пару минут друзья, выйдя из квартиры, начали пробираться по длинному коридору к лифту. Извилистый коридор был заставлен живописным соседским хламом, который оставлять здесь было совершенно не жалко, а выбрасывать – жалко. Здесь они столкнулись с рабочим-узбеком, одухотворенно плескавшим какой-то гадкой серой смесью на стену и старательно растиравшим ее строительным мастерком.

– Ты зачем стену пачкаешь, тут же у людей вещи какие-то стоят? – удивился Сергей.

– Дэс сказал ремонт будет, – бесстрастно и меланхолично пожал плечами узбек и продолжил возюкать мастерком по стене. ДЭЗ для него был что-то вроде муллы: он всегда знал, как лучше и никто не мог ему указывать, что делать, а если кто-то и имел наглость указывать, то мулла-ДЭЗ это указание со всем возможным достоинством просто игнорировал.

– Так ты же людям вещи испачкаешь, – Иван продолжил мысль друга, пока они поджидали лифт.

– Дэс давно уже всем сказал, что ремонт будет, – узбек, по-видимому, был хорошо подготовлен к ответам на вопросы и его трудно было сбить с этого делового меланхоличного тона. Раствор все так же деловито летел на, в общем-то, вполне сносные стены, оставляя уродливые серые пятна.

Тут раскрыл двери лифт, Сергей махнул рукой на узбека и друзья поехали вниз.

Герои, не долго думая, двинулись на Арбат, справедливо полагая, что нигде в Москве не встретить такого большого количества антикварных магазинов, как там. Однако, вопреки их плану, арбатских антикваров совсем не порадовал принесенным манускрипт и они быстро теряли всякий интерес к молодым людям, узнав, что те ничего не собираются у них в магазине покупать.

Когда терпение наших героев исчерпалось, и больше всего на свете захотелось закончить это бесцельное хождение по одинаковым антикварным лавкам, заставленным хохломой, новодельными картинами, матрешками, не очень

старыми иконами и оловянными солдатиками, непохоже изображающими Наполеона и Ленина, манускриптом вдруг заинтересовались.

Это произошло уже в самом конце Арбата, почти у метро «Смоленская». Сергей, в очередной раз лениво положив документ в пластиковой папочке на заставленный разнообразными безделушками прилавок, вдруг заметил, что у антиквара всего на долю секунды в глазах полыхнул странный огонек. Этот антиквар был явно не похож на своих коллег из других магазинов, он больше походил на заслуженного музейного работника на пенсии, а те больше напоминали продавцов на рынке. Антиквар изучал манускрипт внимательно и долго.

Друзья очень удивились, когда он догадался о том, как манускрипт надо сложить, чтобы получались строчки, а потом посмотрел его на просвет, догадавшись, что недостающие буквы – в водяных знаках. Но дальше было еще интереснее. Антиквар очень быстро придумал, как прочитать эти непонятные буквы. Иван не смог сдержать удивленного возгласа, когда тот начал приставлять манускрипт к зеркалу и в отражении стало возможным прочитать некоторые слова. «AMALGAMA» значило самое крупное из них. Потом в круглом сувенирном зеркальце с палехской росписью Сергей увидел другие слова, по очереди разобранные старательным антикваром. «DANDOLO». «AMORE». «ODIO». Каждое разобранное слово антиквар вполголоса проговаривал, непременно качая при этом головой.

У самой витрины в это время стоял невысокий плотный человек, обладавший пышной белой шевелюрой и роскошными седыми усами. Он рассматривал какие-то картины и изредка поглядывал то на антиквара, то на наших друзей. Сергею эти его поглядывания не понравились. Человек заметил это и немного смутился, а Анциферов про себя назвал этого посетителя магазина «чеширским котом», видимо, из-за пышных усов.

– ДандОло. Или ДАндоло, – пробормотал антиквар и растерянно посмотрел в окно. И еще вот это – Одио, – он покачал головой.

Устав подглядывать, седовласый посетитель магазина произнес:

– Одио, по-итальянски, значит «ненависть», – а затем, действительно, как-то по-чеширски, улыбнулся и представился, – Меня зовут Александр Валентинович, – и,

сразу же, без какого-либо перерыва обратился к Сергею, махнув седой головой в сторону манускрипта, – Вы позволите полюбопытствовать? – потом сразу же подошел к прилавку и стал «любопытствовать», совершенно не дожидаясь ответа.

Сергей хотел как-нибудь нахамить наглецу, но, увидев, с каким почтением продавец протянул ему манускрипт, решил подождать, чем все это закончится.

Чеширский тоже очень долго разглядывал манускрипт, переворачивал его, складывал и раскладывал.

– Откуда у вас это? – вдруг нарушил молчание антиквар.

– Понимаете, – Сергей давно придумал историю, которую уже несколько раз сегодня «прогонял» в других антикварных магазинах, – я отдыхал в Италии и там, в одном магазине мне предложили…

– Прям-таки предложили, – насмешливо нараспев произнес чеширский Александр Валентинович.

«Чего он дразнится?» – подумал Сергей и, вспомнив мелькнувший огонек в глазах у антиквара в самом начале их разговора, вдруг решительно сказал:

– Короче, ситуация такая. Десять тысяч долларов стоит эта штука. Если готовы платить, платите. А – нет, так мы дальше пойдем.

Воцарилось молчание.

– Триста долларов, – четко произнес антиквар.

Сергей молча взял манускрипт и пошел по направлению к входной двери. Иван, за все это время не проронивший ни единого слова, поспешил за ним.

Звякнул колокольчик и друзья оказались на улице. Сергей надеялся, что, как это часто бывает в хороших фильмах, их окликнут на пороге и скажут что-нибудь типа «подождите, молодые люди» или «ну, зачем же так горячиться». Но их никто не окликнул.

Быстро темнело, мела поземка. Сергей круто повернулся и побрел по небольшому переулку вверх, к Новому Арбату, чтобы оттуда направится через Садовое кольцо домой. Было обидно, что не удалось ни продать, ни разбогатеть, ни избавиться от этой страшной штуковины с таинственными трудночитаемыми буквами. Иван шел рядом, не говоря ни слова. Серое московское небо сыпало на улицу мокрые комья снега и надежно прятало от прохожих звезды.

Глава VI. Второй полет

Кунцево, «Ближняя дача» Сталина. Ноябрь 1941 года

Мотор мощного бронированного форда приглушенно урчал, катя по пустынной ночной Новодорогомиловской улице. Тени приземистых кособоких лачуг, притулившихся к широкому тракту, стремительно проносились за окном надежной американской машины, подаренной в самом начале войны американским президентом Рузвельтом. На пустырях между домами встречались одинокие зенитки, грустно уставившиеся в серое московское небо. В автомобиле сидело четверо – двое спереди и столько же сзади. Все молчали. Тем, что спереди, говорить было не положено по должности, те, что сзади, успели обговорить свои дела чуть раньше. Однако тишина тяготила маленького пышноусого человека в солдатской шинели без знаков различия и какого-то необычного кроя. Он, после долгого молчания с явным грузинским акцентом произнес:

– А ты был неправ, Лаврентий. Выиграл я наш спор, – и с усмешкой покосился на своего соседа, единственного, из сидевших в машине, одетого в темное гражданское пальто. Впрочем, несмотря на обычность пальто, человек этот был достаточно необычен и легко узнаваем всеми гражданами СССР. Человек этот повернул голову, блеснув знаменитым пенсне, и осторожно произнес:

– Какой спор, товарищ Сталин?

Сталин усмехнулся:

– Помнишь, как мне звонил начальник штаба Западного фронта Булганин, просил перевести штаб фронта подальше от передовой? Я ему запретил это делать, а тебе сказал, что это явно просьба Жукова?

– Помню, – кивнул Берия.

– И тогда же предложил тебе поспорить, что Жуков, исчерпав все возможности, обязательно попросит меня об этом сам, а ты заявил, что он для этого слишком труслив и побоится.

– Было, говорил, – согласился Берия. – А что, он уже исчерпал все возможности?

– А кому еще просить? – хмыкнул Сталин и начал загибать крупные короткие пальцы левой руки.

– Соколовский звонил, Булганин звонил… – А комиссар фронта Степанов?

– Он поднимал этот вопрос самым первым, еще в начале октября. Предложил вывести штаб фронта в район…, – Сталин сделал паузу и зло выдохнул, – Арзамаса.

– Куда?! – не смог удержаться от изумленного восклицания Берия.

– Туда, туда, – мрачно подтвердил Сталин. – Ты не ослышался. А я ему сказал, знаешь что? – Сталин поднял вверх указательный палец, – Что ему нужно не новый командный пункт оборудовать, а могилу себе копать! Это все Жуков перепуганный придумал. Ну и сегодня не выдержал, сам мне позвонил. Просил перенести свой командный пункт к Белорусскому вокзалу.

Боится.

Тонкие губы Берии презрительно искривились.

– Это он боится в плен попасть, Коба. Он же когда в Ленинграде был, не только приказ издал расстреливать всех, кто в плен сдастся. Он еще и шифрограмму командующим отправил, чтоб разъяснили всем, будто семьи сдавшихся врагу будут расстреляны. Вот и опасается за своих. Думает, что ты тогда к его семье

его же приказ и применишь. Правда, Маленков его распоряжение сразу отменил, но он, наверное, все равно боится.

– Смешно, – мрачно прокомментировал Сталин и улыбка Берии мгновенно исчезла с лица.

– Не смешно другое. Не смешно, что командующий фронтом не верит, что Москву удастся отстоять. Это грустно. Очень грустно. Вот я и думаю, может, зря ты, Лаврентий, за него летом заступался, а? Его же за провал под Смоленском просто сняли с поста начальника генштаба. И все. Может, и сейчас не поздно этого дуболома на умного человека заменить? И есть кем. Вон как армия товарища Власова сражается. Насмерть. Он и под Киевом точно так же стойко держался. Если бы соседи не подвели, думаю, фашисты об Киев непременно зубы сломали. Помнится, мы его еще до войны орденом Красного Знамени наградили за лучшую дивизию во всей РККА. Получается, по заслугам наградили.

И, договорив, вопросительно уставился на своего собеседника. Берия пожал плечами и уклончиво ответил:

– Решать вам, товарищ Сталин. Дуболома на умницу заменить – всегда на пользу делу, спору нет. Хотя и дуболомы подчас нужны. Людей на смерть десятками тысяч гнать, когда это требуется, не каждый решится. Тот же Власов, к примеру. И если бы не разгар боев, я бы первым такую замену поддержал, а сейчас… Вникнуть в обстановку – время нужно, а где его взять? Вон как фашисты лезут. А что касается отправки туда… Так ведь это никогда не поздно исправить. Туда отправить легко, вот обратно – навряд ли получится….

– Ладно, – кивнул его собеседник. – Действительно, с этим действительно успеется. Давай тогда про туда и про обратно поговорим. Вопрос у меня к тебе. Ты вот упомянул, что туда отправить легко. Тогда почему у тебя так ничего и не получилось с зеркалом? – и он вопросительно уставился на Берию. – И где тот, который туда отправился? Неужели до сих пор не нашли? Странно. Я был о твоих людях лучшего мнения.

Берия помрачнел. Было заметно, что говорить на эту тему ему очень не хочется, но деваться было некуда. Однако ответил он не сразу, подыскивая нужные слова, которые обязательно должны быть правдивыми, ибо Хозяин, как называл

его про себя Лаврентий Павлович, терпеть не мог лжи. Но правда – штука жестокая, поэтому следовало подобрать такие слова, чтобы максимально ее смягчить.

В этот момент он проклинал самого себя за то, что тогда, в далеком 39-м, он, заинтересовавшись странными показаниями арестованного пожилого преподавателя истории Ленинградского университета, из «бывших», распорядился разместить его в одной из шарашек НКВД. Впрочем, интерес был оправданный.

Звали историка Николай Петрович Дондулев и рассказывал он нечто неслыханное. Дескать, Петру Первому во время его путешествия по Европе было подарено какое-то зеркало, изготовленное в Венеции. Зеркало это, по рассказам врага народа, обладало удивительной силой и было способно творить самые необыкновенные чудеса. Но зеркало это было очень опасным, в том числе и для человека, который им владеет. Как Петр Первый в это зеркало глянул, так умом и тронулся. А еще через это зеркало можно было как-то на людей влиять. А еще, мол, это зеркало позволяло «уйти в иные времена». И хранилось чудо-зеркало в Эрмитаже и ученый знал, где и обещал, проведя какие-то предварительные исследования, заставить всю эту колдовскую силу работать на благо Советской власти.

Лаврентий Павлович не был легковерным, но распорядился отправить этого прохвоста в Эрмитаж, где тот достаточно быстро нашел старинное зеркало. И можно было бы принять за бред сумасшедшего все рассказы этого Дондулева про силу зеркала или, уж тем более, про «уход в другие времена», но останавливал очень простой опыт. Когда смотрел Лаврентий Павлович в это зеркало, вдруг шуметь в ушах начинало, голова болела, озноб какой-то странный в теле появлялся. Как убирал зеркало от глаз, самочувствие сразу становилось лучше.

Вот и решил он поэкспериментировать. Определил ученого в одну из многочисленных шарашек Подмосковья. Цель была одна: разобраться, как это работает и как это поставить на службу Советской власти. На всякий случай, к старорежимному профессору были приставлены несколько студентов исторического факультета, имевших к НКВД самое непосредственное отношение.

Изначально Николай Петрович Дондулев заявлял, что ему достаточно года, чтобы разобраться в том, как это работает. Потом потребовал два. И ведь не упрекнешь человека ни в чем. Трудился добросовестно, с азартом. Подчас ночей не спал, упросив Берию, чтобы ему изменили рабочий график. Не по правилам, конечно, но раз для дела лучше…

Словом, Лаврентий Павлович согласился, махнул рукой, пусть будет. Даже бочку с квасом поставил во дворе шарашки, на радость всем ее обитателям. Наливала квас в крупные стеклянные кружки румяная продавщица, бывшая, по совместительству, в звании старшего сержанта госбезопасности. Каждый день писала продавщица подробный отчет о любом движении питерского ученого, которого видела она очень часто: Николай Петрович квас очень любил и мог пить его литрами, как иные – пиво. Он даже иногда шутливо рассуждал о теории идентификации славянских народов посредством анализа того кваса, который был характерен для той или иной территории.

Короче, квас пил ученый изрядно, да и работал, в общем-то, тоже много, но результата добиться почему-то никак не удавалось. И чего только этот Дондулев не делал! Пропускал сквозь зеркало различные разряды электричества, тщательно фиксируя каждый результат в специальный журнал, обрабатывал зеркальную поверхность различными кислотами и щелочью, светил в зеркало свечкой, задымлял его различного происхождения дымами, исследовал влияние солнечного и лунного света на поверхность зеркала, подвергал его электромагнитным колебаниям различной степени интенсивности и термической обработке, крутил на центрифуге, помещал в барокамеру… Но зеркало упорно не хотело выдавать своих тайн.

И кто же знал, что этот хитрый историк решит вначале проверить действие зеркала на самом себе? И проверил. В одну прекрасную ночь Дондулев ушел. Совсем ушел.

Сперва думали, что сбежал, но уж больно непохоже было. Двоих «студентов», а на самом деле лейтенантов НКВД, которых дали в помощь хитрому ученому, допрашивали несколько месяцев, пока не убедились – правду говорят. Удивительную, можно сказать, невероятную, но правду. В зеркало почтенный Николай Петрович провалился. А вот куда именно – непонятно.

Однажды в полночь зарябило зеркало, запульсировало, даже звук какой-то стало издавать. Удивительно – звук низкий, не очень-то приятный, а тянет

поближе подойти. Вот Дондулев и подошел. И даже рукой стекла коснулся. А дальше еще интереснее – прошел туда палец. Историк всю ладонь до запястья – и она преспокойно погрузилась. Тот по инерции дальше углубился, по локоть – вновь никаких препятствий. И по плечо – никаких, а дальше само зеркало сработало… Словом, исчез человек.

Бросились лейтенанты за ним. А зеркало мгновенно к своему прежнему виду вернулось: все вокруг отражает, а пальцем коснись – твердое стекло. А историка нет. В зеркале остался.

Зачем только Берия про это зеркало товарищу Сталину рассказал?! Сталин очень заинтересовался рассказом и, кажется, начал с этим зеркалом какие-то планы связывать. И не собирался товарищ Сталин от этих планов отказываться, уж больно они, видимо, были заманчивыми. А коль не собирался, значит, действуй, товарищ Берия, исправляй свой промах, тем более, что первый эксперимент все-таки удачным оказался: работает, значит, чудо-зеркало!

Но, увы – как ни старались лейтенанты НКВД в мельчайших подробностях повторить события той ночи, зеркало больше не рябило, не туманилось изнутри, и вовнутрь себя не то, что палец – ноготок не пропускало.

И тут пришла шифровка. Кто-то из агентов советской разведки доложил, что Гитлер распорядился установить у себя в кабинете рейхсканцелярии какое-то большое старинное зеркало, в обстановке строжайшей секретности привезенное откуда-то из Литвы. Сталин тут же потребовал зеркало Петра Первого тоже привезти к нему на дачу в Кунцево. Мол, лично хочу на него взглянуть.

Через три дня Берия предложил было увезти зеркало обратно, но не тут-то было. Промолчал товарищ Сталин, словно бы и не услышал этого предложения, а раз промолчал, значит, не хочет об этом говорить. И знал Лаврентий Павлович, почему Хозяин против. Завораживало оно, словно затягивало. Берии и самому, когда он навещал историка, всякий раз не хотелось от зеркала отходить – так бы и стоял подле. Но и смотреть в зеркало было нельзя – сразу плохо становилось. Такой вот парадокс получался. А потом война началась, не до зеркала стало. И вот, надо же, опять…

И вот, что было отвечать Хозяину в такой ситуации?

Однако с ответом вышла отсрочка. Приехали они. По рябоватому, в мелких оспинках, лицу Иосифа Виссарионовича было заметно, что разговор он не закончил, просто с продолжением не спешил.

Вышел хозяин из машины молча, недовольно ежась от крепкого морозца. Неспешно зашел в прихожую и, не говоря ни слова, стал раздеваться. Вешалка у него была особая, и даже располагалась отдельно, слева от двери, ведущей в зал, одновременно служивший и гостиной, и столовой. Берия свое пальто повесил на другую вешалку. Широкая, рассчитанная человек на двадцать, она так и называлась «гостевая», и была расположена справа.

В столовую они заходить не стали. Впрочем, и в кабинет они тоже зашли не сразу. Раздевшись, Сталин подошел к большой карте, висевшей тут же, в прихожей, с обозначением линии фронтов. Достав из кармана трубку, он принялся неторопливо набивать ее табаком.

Раскурив ее, товарищ Сталин указал чубуком на карту:

– Плохо.

– Плохо, – послушно согласился Берия.

Сталин искоса посмотрел на своего сподвижника, но ничего больше не сказал. Войдя в свой кабинет, он первым делом подошел к тому самому массивному древнему зеркалу, прислоненному к стене справа от входа. Некоторое время он постоял подле него, неспешно проводя пожелтевшим от никотина указательным пальцем по старинной деревянной раме. Вздохнув, он прошел к своему креслу, неторопливо уселся в него, и спросил, тыча чубуком трубки в сторону зеркала:

– Так что с ним?

Берия нехотя ответил:

– Пока…, – и обескуражено развел руками, однако тут же горячо заверил: – Но над ним продолжают работать и…

– Значит, надежды на него сейчас мало, – перебил его Сталин и, неожиданно для Лаврентия Павловича, покладисто заметил: – Ну и ладно. Нашей самой главной надеждой должны быть наши советские люди, их стойкость и вера в победу над врагом. Верно, Лаврентий?

– Верно, Коба, – послушно согласился тот.

Сталин встал и поморщился. Поясницу ломило сильнее обычного – не иначе, как снова разыгрался радикулит. Берии он ничего говорить не стал – не баба, чтобы жаловаться на хворобу. К тому же у него имелось хорошее народное средство. Вот только вначале надо отпустить Лаврентия. Он кивнул ему, на всякий случай добавив:

– Возвращайся обратно. Только вот что, – остановил он его у самых дверей. – Ты на передовую больше не езди, не надо. Ни к чему без особой нужды выказывать свою храбрость. Я и так ее знаю.

– Я к своим частям, – смущенно пояснил тот. – Ободрить не помешает. Раз они из войск НКВД, значит, я отвечаю за их бойцов, вот и хотелось лишний раз убедиться, что не подведут.

– Насколько я знаю, там, в большинстве, пограничники, которые вышли из окружения, а они уже летом показали прекрасную боевую выучку.

– Ни один отряд не отступил без приказа, – с легкой долей хвастовства в голосе подчеркнул Берия.

– Знаю, – кивнул Сталин. – Потому и говорю – ни к чему к ним ездить. Побереги себя. Жукова убьют, мы десять, двадцать жуковых найдем, а где я такого, как ты, отыщу? Так что считай мой запрет боевым приказом.

– Слушаюсь, товарищ Сталин, – кивнул Берия и, чуть помедлив (не будет ли каких дополнительных указаний) вышел.

А Иосиф Виссарионович пошел лечиться старым испытанным способом, который он успешно применял еще во время ссылки в Туруханске. Для этого на кухне, отделенная деревянной перегородкой, стояла большая русская печь. Обычно в ней пекли хлеб. Но когда Сталин простывал или его очень уж начинал донимать радикулит, он приходил к ней, раздевался, клал на горячие кирпичи широкую доску и, кряхтя, залезал на нее «лечиться». Так он сделал и сейчас.

Однако сон не шел. Уж больно непривычное время он выбрал – не было и двух часов ночи. От нечего делать, Иосиф Виссарионович прислушался к неспешному обстоятельному разговору прислуги. Перегородка чуть глушила их голоса, но в целом слышно было хорошо. Судя по беседе, там присутствовал еще один боец внешней охраны, забежавший с морозца погреться. Он-то и рассказывал о себе.

– Вообще-то я из Тверской области. Деревня там есть такая, Заречье. У нас там каждый пятый Шеломов. А до войны в Питере работал. Комнату нам с женой дали. Потом мы к себе еще и сестру пригласили, Анюту, вместе с мужем. Но жили дружно.

– Родня должна друг дружке помогать, – поддержал его кто-то из поваров.

– Во, во, – оживился охранник. – А тут не просто родня, а двойная.

– Это как?

– Да очень просто. У нас в соседней деревне, в Поминово, Путины жили. Так вот вначале Володя Путин на моей сеструхе Машке женился. Молодые они совсем были, обоим по семнадцать всего исполнилось. Давно это было, еще в 28-м. Вот пока на ихней свадебке гулеванили, я там себе и присмотрел сеструху Володькину, Анюту. Да так все закрутилось, что и женился.

– Закрутилось, – хмыкнул кто-то. – Тогда может ты вначале подженился, как оно бывает, а уж опосля и…

– А ты не мели, чего не знаешь! – возмутился охранник. – У них знаешь какой батька строгий. Вот так всех держал, хотя как и ты, из простых поваров. В Горках работал.

– Так это он что же, и самого Ленина кормил? – уважительно пробасил какой-то новый голос.

– Не-е, он потом туда пришел работать, уже после смерти Ленина. А вот жену его, Надежду Константиновну, и сестру Марью Ильиничну он и вправду кормил. Да и брата его, Дмитрия Ильича, тоже доводилось.

Однако на посыпавшиеся градом вопросы (какие они, что любили покушать, привередливые ли в блюдах), охранник ничего толком ответить не смог. Мол, тесть был не охоч до таких рассказов, разве что как-то вскользь обмолвился, будто сколько ни прошло через его руки людей, а лучше Ульяновых не было. Но в особые подробности никогда не вдавался.

Сталин лежал тихо. Не то, чтобы подслушивал, а просто сон не шел, вот поневоле и фиксировалось. Однако слушать перечень бед, о которых принялся рассказывать охранник, о том, как его семья (мать и трехлетний сын Генка) осталась в оккупации в Прибалтике, было неприятно. Как ни крути, а выглядели эти беды завуалированным упреком именно в его адрес: проворонил, прозевал фашистское нападение.

А он ведь не проворонил и не прозевал. Он прекрасно знал о том, что Гитлер готовится к нападению на Советский Союз. Но и у него самого почти все было готово к «освобождению Европы». И блицкриг получался на загляденье. По самым осторожным расчетам выходило, что уже на следующий день десантные корпуса захватывали нефтяные промыслы в Румынии, отрезав танки и автомашины бесноватого фюрера от единственного источника бензина. Еще через три дня передовые колонны красных танковых армий вышли бы на территорию Германии, а через неделю – Франции. Завершалась же «Гроза», как скромно была названа эта операция, там, где ей и положено, то есть на Гибралтаре, ибо перед армадой в пятнадцать тысяч танков не устоять ни одной стране.

Одного Сталин знал: что делать с Англией? Вроде бы ее освобождать не от кого, фюрер ее не захватывал. Но в отношении нее решил не заморачивать себе голову – позже решим. Все зависит от того, как пойдут события и как Черчиль отреагирует на захват Черноморским флотом Суэцкого канала. Если проглотит и не станет морщиться вслух, лучше его до поры до времени не трогать – слишком крепкий орешек.

И разве вина товарища Сталина, что Гитлер окончательно обезумел, начав войну столь неожиданно, по сути, не подготовившись к ней должным образом. Заводы на военный режим переведены не были, запаса горюче-смазочных материалов не имелось. Да что там бензин, когда этот идиот – иначе не назовешь – не позаботился даже о теплой зимней одежде для своих солдат!

Но в том-то вся и штука, что в очередной раз сбылась загадочная русская поговорка, о том, что судьба помогает влюбленным, пьяным и… дуракам. Гитлер, судя по необдуманности своих действий, явно относился к последней категории, вот она ему и помогла. Буквально за считанные дни до начала «Грозы» немцы неожиданно ударили первыми. Получилось все равно, что за полчаса до начала футбольного матча, когда одна из команд вышла на поле, а вторая еще находилась в раздевалке, босая и не переодетая. И в этот миг раздается свисток судьи о начале игры. Понятное дело, что те, которые на поле, сразу принимаются торопливо забивать голы в пустые ворота. И тренеру второй команды приходится срочно отправлять своих футболистов играть в чем были, а счет-то уже 5:0 и теперь попробуй отыграйся, да еще босиком.

Боль в пояснице отпустила. Сталин неспешно встал и поплелся в кабинет – припомнилось, что он так и не позвонил в Свердловск, хотя собирался. Зайдя к себе в кабинет, он мельком бросил взгляд в сторону зеркала и… обомлел от неожиданности. Оказывается, пока он лежал на печи, оно неожиданно… «заработало».

Да, да, именно заработало – это он понял сразу. На мутноватой поверхности уже ничего не отражалось – ни он сам, ни интерьер его кабинета. Только рябь, отчего-то показавшаяся ему зловещей.

С непривычной для себя торопливостью он метнулся к столу, не желая зря тратить время, сорвал телефонную ручку с аппарата, но затем спохватился. Кому звонить? Берии? А кто он такой? Да, умница, каких мало, но не специалист в таких вопросах, такой же дилетант, как и сам Сталин. И другого специалиста, помимо исчезнувшего невесть где дореволюционного историка, у него нет.

И еще одно. Лаврентий сейчас уже наверняка доехал до своего потаенного, скрытого за высоким забором, большого дома на Садово-Кудринской. Где гарантия, что за то время, пока он будет возвращаться обратно в Кунцево, зеркало по-прежнему будет оставаться таким же?..

Принимать скоропалительные решения Сталин терпеть не мог, но сейчас настал тот момент, когда любое промедление было чревато. Значит, требовался доброволец.

Он торопливо накинул на себя широкий овчинный тулуп и вышел на улицу. Было безветренно, но мороз, кажется, еще больше усилился. Сдерживая сам себя, он неспешно пошел в обход дачи. Темная фигура охранника с винтовкой за плечами выросла перед ним как из под земли. От неожиданности Сталин вздрогнул и раздражительно спросил:

– Ты кто?

– Красноармеец…

Рапорт охранника Сталин не слушал, зафиксировав лишь имя и фамилию: Петр Шеломов. Они показались знакомыми. Ах да, он же совсем недавно слышал их, лежа на русской печи. Получалось, это тот самый, который плакался на жизнь, горевал по поводу гибели своей матери, убитой в прошлом месяце, и сокрушался о неизвестной судьбе своей жены и сына.

– До сих пор ничего не известно о семье? – спросил он, сохраняя видимость неспешности и добродушия.

– Никак нет! – удивленно отрапортовал Шеломов.

– Ничего, – ободрил его Сталин. – Сейчас всем плохо, всей советской стране, а не только твоей жене и сыну.

– Хорошо бы, – вздохнул Шеломов и ошарашенно уставился на Сталина. – А откуда вы…

– Товарищ Сталин обязан все знать о советских людях, которые избрали его своим руководителем, – поучительно и чуть самодовольно ответил Иосиф Виссарионович, назидательно подняв вверх указательный палец. – Я уже дал поручение соответствующим органам, так что, полагаю, скоро найдутся и твоя жена Анна и сын Генка, – и он, не выдержав, чуточку усмехнулся – уж очень забавно выглядело лицо окончательно обалдевшего красноармейца.

– Однако забота о семье не должна отвлекать от служебных обязанностей, которые вы, товарищ солдат, сейчас выполняете.

– Так точно! – встрепенувшись, громко заорал Шеломов.

– Очень хорошо, – кивнул Сталин. – Тогда ступайте в караульное помещение и предупредите начальника, чтобы он поставил на ваш пост другого человека, а сами немедленно явитесь ко мне в кабинет. Знаете, где он?

– Никак нет! – вновь завопил Шеломов.

Сталин поморщился – терпеть не мог громких голосов. Разве что во время военных парадов, но тут уж деваться некуда. Однако замечания делать не стал – не до того.

– Тогда скажете начальнику дежурной смены, чтобы он вам указал дорогу, – наставительно произнес Сталин и на всякий случай уточнил: – Времени вам на все – пять минут. Все, – и, не дожидаясь очередного бравого ответа, развернувшись, поспешил обратно.

Торопливо вернувшись в кабинет, он облегченно перевел дыхание – зеркало продолжало работать. Вот только теперь ряби на его поверхности не было видно, как, собственно, и самой поверхности. Все зеркало, включая и деревянную раму, было окутано неким дымом, по виду больше всего напоминавшему туман. Отличие от обычного тумана было лишь в том, что этот чуточку икрился. Искорки были хаотичные, яркие, весело вспыхивающие и тут же гаснущие.

Некоторое время вождь смотрел на зеркало, не в силах оторваться от завораживающей картины, и лишь негромкое покашливание за спиной вывело его из столбняка. Сталин обернулся. Позади стояли бывший часовой и начальник караула. Доложить о выполнении приказа никто из них не успел. Сталин еще раз внимательно посмотрел на красноармейца, которому сама судьба предопределила пройти неведомое испытание. Ничего особенного во внешнем виде красноармейца не было: небольшого роста, с длинным носом, какими-то блеклыми серенькими глазками и незапоминающимся лицом, Шеломов этот впечатления, прямо скажем, не производил. «Кого попало берут охранять главу Советского государства», – раздраженно подумал Сталин, и, попутно решив

позже высказать все это начальнику охраны генералу Власику, решительно подошел к робеющему красноармейцу.

Инструктаж солдата был краток, ибо следовало торопиться – неизвестно, сколько времени есть в запасе. Сказал лишь главное: ничего не бояться и, по возможности, как можно скорее вернуться обратно, где бы тот ни оказался. В самом крайнем случае, если он не увидит возможности вернуться, надлежало сообщить о себе. Ну и предупредил о секретности: никому о том, что увидит и услышит, ни слова, пока не появится у него. Подумав, добавил исключение: Берия (все равно тот знает основное) или сотрудник НКВД по рангу не ниже старшего майора.

Остальное произошло в точности, как с исчезнувшим историком, во всяком случае, как рассказывали о том на многочисленных допросах его помощники. Разве что намного быстрее, поскольку ничего не подозревающий Шеломов особо не колебался и хладнокровно шагнул в дым, после чего мгновенно исчез. Словно испарился. И тут же, вместе с испарившимся Петром пропал и дым. Бесследно, словно его и не было вовсе.

Сталин вытер испарину со лба и угрюмо уставился на свое отражение в зеркале.

– И сколько мне теперь ждать? – спросил он то ли у зеркала, то ли у самого себя. Но и зеркало, и отражение главы Советского Союза молчало. У двери столбенел начальник караула. Рассеянно посмотрев на растерявшегося майора, Сталин шагнул к своему столу, снял трубку телефона и, дождавшись, когда его соединят с нужным абонентом, глухо произнес:

– Не спишь, Лаврентий? Это хорошо. Приезжай срочно.

…Впоследствии сам Сталин, сколько ни припоминал, как ему удалось оживить древний артефакт, какой узор на раме зеркала и с какой силой он нажимал, «включить» его заново так и не смог. Ни разу. Да и красноармейца Шеломова в своей жизни Иосиф Виссарионович больше никогда не видел. Пропал солдат, как в воду канул.

А вот неверие Жукова в то, что Москву удастся отстоять, Иосиф Виссарионович не забыл и не простил. Поэтому, когда в самом начале января Сталин подписывал наградные списки отличившихся при обороне Москвы, Жуков в них

не попал. Ни в один. Ему не досталось ни ордена Ленина, как Власову или Рокоссовскому, ни ордена Боевого Красного Знамени, которым Верховный главнокомандующий удостоил многих других полководцев, ни даже Красной Звезды.

Но и вовсе без награды Сталин его не оставил.

Справедливо предположив, что Жуков может посчитать, будто о нем попросту забыли, Верховный, немного подумав, принял решение все-таки наградить командующего Западным фронтом, но так, чтоб тот запомнил эту награду, равно как и свой телефонный звонок насчет переноса штаба фронта на восток, на всю свою жизнь. И Жукова, как и миллионы рядовых солдат, удостоили… медалью «За оборону Москвы».

Что и говорить, знал товарищ Сталин толк в изощренной мести.

Глава VII. Красная комната

Набережная Роз, Брюгге, 1434 год

Подполковник КГБ Николай Сиротин проснулся в маленькой узкой комнате. Его сознание цеплялось за последнюю запомнившуюся картинку: вот он стоит в Лондонской картинной галерее, потом какой-то японец предлагает ему посмотреться в маленькое зеркальце, а потом почему-то все плывет перед глазами… Комната, в которой очнулся подполковник, была чрезвычайно странной и менее всего походила на картинную галерею Лондона.

Значительную часть комнаты занимала большая деревянная кровать под диковинным красным балдахином. Потолок в комнате был тоже деревянный и, кажется, очень старый. По крайней мере, бревна, из которых потолок был сложен, почернели от времени. Рядом с кроватью стоял необычного вида, деревянный и, видимо, жутко неудобный диван, покрытый такой же ярко-красной тканью. На диване лежали или даже, скорее, стояли две подушки – такие же красные, как балдахин и диван. Окно в этой комнате было маленьким, его стекла казались затуманенными и состояли из множества мутных

квадратиков и кружочков. Деревянные ставни были открыты вглубь комнаты. Под окном стоял старинный комод. На подоконнике и на комоде лежали рассыпанные кем-то апельсины. Эти апельсины и то, как они лежали, очень напугало подполковника. Забыть эти рассыпанные апельсины, да и всю эту красную комнату было совершенно невозможно – Сиротин уже много дней изучал картину голландского художника Яна ван Эйка и знал этот интерьер до мелочей.

Сиротин поднял голову вверх и еще раз посмотрел на потолок. Все так же горела единственная свеча на блестящей люстре. Сотрудник советского посольства перевел взгляд направо и увидел круглое зеркало-иллюминатор, висящее прямо над красным диваном. Сиротин теперь был абсолютно уверен, что находится в комнате, интерьер которой до мельчайших подробностей соответствует интерьеру, изображенному на картине, которую он рассматривал за мгновение до встречи со странным японцем и до того, как тот предложил посмотреться в его маленькое зеркальце. Прямо напротив зеркала-иллюминатора, на другой стороне комнаты, располагалась плотно закрытая дверь. На картине, которую Сиротин еще совсем недавно видел в Лондонской Национальной галерее, накануне своего пленения (а Сиротин был совершенно уверен, что попал в плен), в зеркале отображались какие-то люди, входящие в эту самую дверь. Фигуры людей были плохо различимы, но было отчетливо видно, что это несколько человек. Сейчас дверь была плотно прикрыта, а комната пуста.

Сиротин оглядел себя. Он был одет в чистую, но очень грубой ткани и странного фасона рубашку, которая больше напоминала холщовый свитер. В вырезе на груди рубашки он увидел несколько грубых дырок, сквозь которые была продета веревочка, позволявшая, при необходимости, ворот закрыть. Холщовые штаны, тоже на веревочке, дополняли ансамбль. Ботинок не было.

Подполковник быстро сообразил, что к нему применяют методы психологического воздействия, о которых так много и подробно рассказывали на спецкурсах в школе КГБ. Хитроумные американцы мастерили, например, якобы космический корабль, все отсеки которого были задраены так, что открыть их было невозможно, а в иллюминаторе проплывала в голубой дымке планета

Земля. Однажды помещенный в такой аппарат советский резидент, будучи совершенно уверенным в том, что его отправили в открытый космос, к третьему дню заточения в этой псевдогалактике, сошел с ума. Его невнятное бормотание под нос было идеально записано на восхитительные японские магнитофоны – предмет мечты любого советского человека. Долго потом еще эта запись доставляла проблемы сотрудникам первого главного правления КГБ СССР! Половина американской резидентуры была безнадежно провалена, а от ряда операций пришлось просто отказаться – столько информации с перепугу наговорил сам себе под нос перепуганный и сошедший с ума разведчик.

Сиротин не растерялся и замысел английских (а, значит, американских!) спецслужб раскусил. Надо же, чего удумали! Поместить советского офицера в средневековый интерьер, срисованный с картины Ван Эйка, одеть в якобы средневековое тряпье и таким образом довести человека до помешательства! Понятно, что потом с таким «пациентом» можно будет делать все, что заблагорассудится: хочешь, сведения секретные из него вытаскивай, хочешь – двойным агентом делай, хочешь – просто вербуй.

Подполковник понимал, что ему сейчас требуется максимальная выдержка и полная концентрация сил. Он попробовал пошевелиться и приподняться с кровати. Сделать это ему удалось с трудом. Руки и ноги отказывались слушаться, голова гудела. «Вкололи психотропное что-то, сволочи…» – с ненавистью подумал он и, превозмогая боль, все-таки ступил босой ногой на грубые доски пола. Доски заскрипели так, как будто на них переминался с ноги на ногу не один босой Сиротин, а целый взвод солдат в кирзовых сапогах. Сиротин прислушался. После оглушительного скрипа досок опять наступила тишина. Он спустил на пол вторую ногу и, сделав два шага (доски пола дважды оглушительно сопроводили это действие), подошел к окну.

За окном он увидел узенькую улицу древнего города. Вот, не отнять у американцев умения декорации делать! Все – как настоящее! Голливуд просто! Вдоль улицы стояли средневековые дома с треугольными ступенчатыми фронтонами, из труб вился легкий дымок. На солнце блестели маленькие оконца, украшенные разноцветными стеклами, а над черепичными крышами гордо возвышалась красивая многогранная башня с часами, украшенная флагами и резными остроконечными шпилями. Узенькая улица упиралась в каменную набережную и Сиротин мог поклясться, что он видел совершенно реальную реку, по которой только что проплыла маленькая лодочка, а в ней стоял человек и отталкивался длинным шестом от дна, заставляя лодочку плыть

быстрее. Женщина с корзиной, заполненной рыбой, стояла у маленького фонтанчика, мимо проезжала телега, запряженная лошадью, в лавке на углу торговец перекладывал на лотке товары, по запыленной булыжной мостовой шли прохожие – ботинки с пряжками, шляпы с перьями. Все было сделано очень правдоподобно и совершенно реалистично.

Брюгге, набережная Роз

Но Николая Сиротина этими спецэффектами пронять было невозможно, он уже был готов к борьбе. Полковник мгновенно оценил ситуацию – его окна расположены на втором этаже дома, не очень высоко, отсюда вполне можно выпрыгнуть в павильон, оборудованный под средневековый город. Очевидно, что самое слабое место этого павильона – река. Ее явно сделали как-то при помощи телевидения, уж очень реально все смотрится. А, значит, там – большое количество телеэкранов, проводов, каких-то телевизионщиков и обслуживающих всю эту искусственную речку работников, а не солдат и агентов. Значит, пробиваться на свободу нужно будет где-то в районе реки. Сиротин прикинул маршрут. На пути будет женщина с рыбой и торговец в лавке. С этими вполне справиться можно. А там уже – как судьба выведет…

Сердце учащенно забилось, путь к спасению был найден. Но Николай, на всякий случай, решил еще раз осмотреться. Понимая, что каждый изданный им звук сейчас пишут многочисленные микрофоны, а каждый шаг снимают специальные скрытые камеры (о таких камерах в спецшколе тоже рассказывали: японская разработка, удивительно, но, оказывается, видеокамеру можно сделать очень маленькой и спрятать ее так, что ты ее даже не увидишь), он нарочно медленно и очень спокойно повернулся к двери. И вовремя. Именно в этот момент дверь открылась и в комнату вошел Путин.

В этот раз персонаж с картины был одет совсем не так, как на картине Ван Эйка. Сегодня он был в нарядном зеленом камзоле. Камзол с множеством пуговиц подпоясывал широкий кожаный ремень, большой белый кружевной воротник был разложен по плечам, а на груди висела гигантских размеров золотая цепь с разноцветными эмалированными гербами между звеньями. На голове

вошедшего красовалась черная шляпа с широкими полями, украшенная белыми перьями.

– Ну, что, пришли в себя? – на чистом русском языке спросил, широко улыбаясь, вошедший, – Меня зовут Петр Шеломов.

В этот момент Сиротин окончательно убедился, что это не Путин. Похож, даже очень, но не он. Чего же они комедию-то ломают? Если в ход идет психологическое давление со средневековьем, почему этот человек, похожий на Путина, говорит на чистом русском языке? Явно какая-то недоработка. Но тут вдруг все встало на свои места.

– Каков ваш чин в НКВД? – быстро спросил человек в зеленом камзоле, внимательно разглядывая советского резидента.

Маски были сброшены. Вот так просто, по-топорному, приступили к допросу. Видимо, поняли, что на всю эту средневековую муть Сиротин не «клюнул». Сиротин уже отчетливо понимал, что человек в зеленом камзоле – вовсе не Путин, хотя и очень похож на него и, справедливо рассудив, что дальше рассчитывать на снисхождение не стоит, громко выдохнул воздух и двинул ногой этому маленькому человеку в грудь, прямо в большую пластину на золотой цепи, с бело-красным эмалированным гербом. Человек с грохотом влетел обратно в дверь, которую он открыл минуту назад, а Сиротин вскочил на стол (апельсины покатились по комнате) и прыгнул в открытое окно, вглубь павильона, заполненного средневековыми декорациями.

Перекатившись несколько раз по булыжной мостовой, чтобы погасить силу удара, советский разведчик вскочил на ноги и быстро огляделся.

Взвизгнула женщина с рыбой, но Сиротин уже понесся в сторону реки, готовясь к нападению лавочника. Но тот нападать не стал и скоро стало ясно, почему. Из-за угла появились два крупных человека, видимо, отвечавших за охрану периметра павильона. У каждого на богатой перевязи висел меч. Сиротин несся прямо на них. Увидев это, они ловко выхватили мечи из ножен и приготовились к схватке. Другого пути к спасительной реке у Сиротина не было и он, не снижая скорости, выставив вперед правую ногу, прыгнул прямо на одного из вооруженных людей. Он удачно попал пяткой в челюсть и опрокинул противника, но тот успел его ранить своим мечом, проткнув ногу в районе бедра.

Второй охранник попытался рубануть Сиротина своим мечом, но советский разведчик ловко увернулся и продолжил бег в сторону реки, оставляя за собой следы крови на пыльных булыжниках.

Он слышал, как гонятся за ним два охранника, но продолжал бежать, не оглядываясь, стараясь не обращать внимания на дикую боль в правом бедре и мысленно благодаря старого китайца, преподавателя ушу в школе КГБ, знания которого его сегодня уже дважды так выручили. Оглянулся он уже у самой реки, переводя дух и утирая лицо. Преследователей было уже гораздо больше. Но странно, подполковник пробежал уже несколько сотен метров, добежал до реки, а павильон все не заканчивался. Да и река, похоже, была настоящей.

Сиротин, обескураженный, побежал вдоль набережной, приближаясь к каменному однопролетному мосту, по которому можно было перебраться на другую сторону реки. Преследователи с криками и руганью неслись за ним. Очень скоро Николай выбежал на мост, и внезапно остановился. Прямо перед ним стояли три вооруженных человека, обнажившие мечи и спокойно ожидавшие нападения. Сзади подбегали к мосту человек семь преследователей, первым из которых был разъяренный здоровый мужик, которому Сиротин так удачно двинул в челюсть в прыжке.

Ситуация становилась безвыходной. Николай Сиротин сжал зубы и твердо решил живым не сдаваться.

Глава VIII. Встреча с Александром Валентиновичем

Москва, декабрь 2014 года

Внезапно раздавшийся дребезжащий звук дверного звонка заставил друзей вздрогнуть. Сергей заглянул в глазок и почему-то совершенно не удивился, обнаружив на лестничной клетке Александра Валентиновича, того самого «чеширского кота» из антикварного магазина, который с таким интересом разглядывал принесенный ими манускрипт. Не прошло и полчаса, как появился! «Интересно, как он нас нашел?», – подумал Сергей и открыл дверь.

Словно отвечая на этот вопрос, Александр Валентинович прямо с порога торжественно продекламировал:

– Вот я вас и нашел, голубчики! Очень, очень неосторожно вы ходите. Очень неосторожно!

– В смысле? – спросил немного уязвленный Иван.

– В том смысле, что прямо от антикварного магазина за вами мог пойти кто угодно, а не я, с целью выследить, где вы живете. А вы даже ни разу не оглянулись!

– А чего нам оглядываться? – резко спросил Сергей, который обиделся на странные выговоры Александра Валентиновича. Но тот нисколько не оскорбился этим резким тоном, каким-то неуловимым движением освободился от остроносых туфель, посмотрел на валяющиеся в прихожей домашние тапочки Сергея, потом на самого Сергея (тот кивнул) надел эти тапочки и прошел в гостиную. В гостиной Александр Валентинович бесшумно бросил свое грузное тело в большое кресло, мгновенно забросил ногу за ногу и принял самое, что ни на есть благодушное положение. Нашим друзьям, последовавшим за ним в гостиную, не оставалось ничего другого, кроме как сесть на стулья напротив и приготовиться слушать. Было очевидно, что Александр Валентинович настроен говорить долго.

– Может, выпить чего-нибудь нальете? – Александр Валентинович улыбнулся своей чеширской улыбкой, красноречиво окидывая взглядом комнату, в интерьерах которой Иван всю пятницу так старательно занимался релаксацией своего друга. Пушистые усы посетителя весело зашевелились.

– Мы не пьем, – достаточно грубо соврал Иван, но и это Александра Валентиновича нисколько не смутило.

– Молодые люди, я пришел рассказать вам, что вы подвергаете себя и своих близких очень большой опасности. Вы даже не представляете себе, в какую историю вляпались.

– То есть, вы тоже согласны с тем, что этот манускрипт стоит не меньше десяти тысяч долларов? – Иван торжествовал и, выразительно поглядывая на

Анциферова, победоносно провозгласил: – А мы его меньше, чем за десять тысяч, не отдадим!

– Молодой человек! – Александр Валентинович отвечал как будто бы Ивану, однако смотрел в глаза Сергею, – Эта вещь стоит значительно дороже десяти тысяч долларов. Значительно дороже. Но здесь дело совсем не в деньгах. Поэтому я к вам сейчас и пришел. Вы слышали миф о Медузе Горгоне? Или, может быть, знаете, отчего погиб Наполеон?

Сергей с Иваном переглянулись.

– Ну, хорошо, не будем про Наполеона. Давайте начнем с простого. Почему существует древняя традиция в доме покойника завешивать все зеркала темной тканью?

Сергей и Сваном переглянулись еще раз.

– Так, понял. Придется начать с самого начала. Но только давайте договоримся, что вы слушаете меня и не перебиваете. Все вопросы – потом.

Друзья, заинтригованные столь необычной речью, кивнули.

– Не буду вас спрашивать, что такое зеркало. Ответ на этот вопрос вы знаете и не знаете одновременно. Это поистине гениальное изобретение человечества. А случилось это изобретение Венеции, в XII веке, точнее, на острове Мурано, где тогда венецианцы компактно селили стеклодувов. Тогда и стекло-то был большой дефицит, но, не умея делать стекло, невозможно было изготовить зеркало. Поэтому, собственно, и венецианцы. Они первые в мире стали делать стекло, ну, а потом научились делать зеркала. Как их делали? Деталей я не знаю, но если сам принцип… Короче, на гладком, отполированном куске мрамора раскатывали тонкий слой некоего металлического сплава, основой которому служили олово и серебро. Потом этот тонкий слой металла заливали ртутью. Металл, растворяясь в ртути, образовывал тонкую отражающую пленку. Пленка эта называлась амальгама.

– Амальгама?! – не удержался от возгласа Сергей, потому что очень хорошо помнил первое слово таинственного манускрипта, разгаданное арбатским антикваром.

– Да, амальгама, – красноречиво кивнул Александр Валентинович и продолжил: – Сверху на эту тонкую пленку-амальгаму накладывали горячее прозрачное стекло, к которому пленка мгновенно прилипала. Так получалось зеркало. Стоили зеркала в те годы целые состояния и в начале XII века их могли себе позволить только очень-очень богатые и влиятельные люди. Все это мне рассказал один очень интересный человек – Рудольф Михайлович Четвериков, он работает в МГУ, на химическом факультете и всю жизнь изучает зеркала и сплавы металлов, из которых эти амальгамы получаются.

– Не понимаю, чего их изучать, – на всякий случай сказал Иван, на самом деле чрезвычайно заинтересованный рассказом и ожидая продолжения. Оно последовало незамедлительно, потому что Александр Валентинович вообще не обратил никакого внимания на слова молодого человека.

– То, что я буду дальше вам рассказывать, не вполне научно, но точно интересно. Из каких химических элементов образовывали составы амальгам древние венецианцы, доподлинно неизвестно, но существует легенда, что можно было подобрать такой состав амальгамы, что на человека, который посмотрит в созданное зеркало, можно было определенным образом влиять. Например, погубить или, наоборот, придать жизненных сил. Или, например, сделать безумным, или просто управляемым. Наиболее известна странная история, когда непобедимый немецкий завоеватель Фридрих Барбаросса, готовый стереть Венецию в порошок и уже что-то подобное проделавший с Римом, принял венецианских послов, которые подарили ему красивое зеркало. Император Барбаросса посмотрелся в это зеркало и вдруг принял решение окончить боевые действия и уйти вместе с армией из Италии. А через несколько дней вообще приехал в Венецию, в собор Сан-Марко, где упал на колени перед римским Папой, которого он, между прочим, из Ватикана до этого выгнал, попросил у него прощения и стал вообще абсолютным пай-мальчиком и больше Венеции никогда не докучал, – рассказчик торжествующе поглядел на наших героев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/torin_vladimir/amal-gama

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити